DK254
.A42
V62
1925

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK254
.A42
V62
1925

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00007950737

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
OCT 19 1997			
OCT 14 '97			
APR 12 1998			
APR 29 1998			

Form No. 513.
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/tkachfedorafanas00vlas

И.И.ВЛАСОВ

ТКАЧ ФЕДОР АФАНАСЬЕВ

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ БИОГРАФИИ

„ОСНОВА"

Дорогому Михаилу Порфирьевичу Сокольникову на память.
Ив. Власов.
27 марта 1925 г.

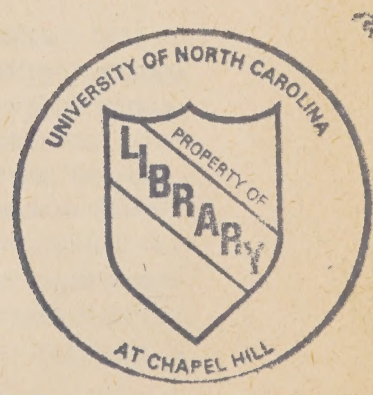
DK254
.A42
V62
1925

И. И. ВЛАСОВ

ТКАЧ
ФЕДОР АФАНАСЬЕВ
(1859—1905)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ

TKACH FEDOR AFANAS'EV



«ОСНОВА»
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК
1925

Напечатано в Типо-литографии
«Красный Октябрь»
Книгоиздательского Т-ва «Основа».
Ив.-Возн. Гублит № 171. Тираж 5000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нет надобности говорить о необходимости издания очерков жизни и деятельности крупных представителей рабочего класса, сыгравших большую роль в истории революционного движения. «Рабочая среда,—говорит старый большевик М. О. Ольминский,—богата идейными борцами, которые в течение десятков лет, «от колыбели до могилы», не теряют энергии».

Неотложная «обязанность партии рабочего класса—хранить в памяти имена этих неутомимых борцов и публиковать при первой возможности сведения об их благородной деятельности»*).

Одним из таких неутомимых борцов за рабочее дело был ткач Федор Афанасьевич Афанасьев, один из пионеров русского рабочего движения, активно участвовавший в революционной работе трех крупнейших пролетарских центров России—Ленинграда, Москвы и Иваново-Вознесенска, не считая ряда других городов, в течение своей многолетней и неустанной деятельности рабочего-революционера.

Участие в чествовании писателя Н. В. Шелгунова в 1891 г., первом проявлении политической активности петербургского пролетариата; знаменитая первомайская речь на первом праздновании 1-го мая в Петербурге в 1891 г.; первоклассная роль в социал-демократическом процессе М. И. Бруснева; энергичная работа в первом в России Иваново-Вознесенском Совете Рабочих Депутатов в 1905 году и в Иваново-Вознесенской забастовке того же года; трагическая смерть от руки черносотенцев, завершившая многолетние кары царского правительства в виде тюремных заключений, арестов, высылок, надзоров и

*) См. статью М. Александрова (Ольминского) в журнале «Былое», ноябрь 1916 г., № 11, стр. 8.

всевозможных лишений,—вот краткий перечень заслуг Ф. А. Афанасьева перед русским рабочим классом, не говоря уж об его чуть не двадцатилетней работе в качестве пропагандиста и организатора сперва небольших по количеству, потом все более и более мощных рядов борющегося пролетариата.

Но написать полную и достойную «Отца» биографию крайне трудная задача, почти невыполнимая в настоящее время. Надо изучить дореволюционные архивы Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Риги, Одессы, Владимира, Нарвы, Шуи и других мест, часть которых находится сейчас за пределами СССР; надо побывать на родине красного ткача, в дер. Язвицах, близь Нарвы, чтоб ближе ознакомиться с его детскими и юношескими годами; надо записать воспоминания товарищей, работавших с ним на многочисленных текстильных фабриках и в революционных организациях; надо пересмотреть библиографический материал о нем не только в столичных, но и в провинциальных изданиях, чтобы только собрать материал для этой биографии.

Появилась уже первая попытка биографии Ф. А. Афанасьева—брошюра М. Моршанской, «Ткач Федор Афанасьев», изданная в 1924 году Московским Губернским Советом Профессиональых Союзов. Но этот первый опыт биографии недостаточен и страдает существенными пробелами.

М. Моршанская использовала только печатный материал о Ф. Афанасьеве, появившийся в Москве и Ленинграде, да и то крайне сжато и неполно, и в частности совершенно не осветила важного в жизни Федора Афанасьева Иваново-Вознесенского периода его революционной работы, так как под ее руками не было ни местных изданий, ни местных архивов.

«Не удается установить, — пишет Моршанская, — срока пребывания т. Афанасьева в Иваново-Вознесенске после того, как в 1897 году правительственные ищейки напали здесь на его след,—во всяком случае в списках местных работников, подвергавшихся репрессиям, его нет» (стр. 40).

Изучение архивов Иваново-Вознесенска и Владимира, прежнего губернского центра для местного района, дает полную возможность определить и срок пребывания Федора Афа-

насьева в Иваново-Вознесенском районе и неоднократно найти его имя в списках местных работников, подвергавшихся полицейским репрессиям.

Задача настоящей книжки—дать сводку всего разысканного до сих пор и архивного, и печатного, и рукописного материала о революционной работе Ф. А. Афанасьева в связном и популярном изложении, и в частности, подробно осветить Иваново-Вознесенский период его жизни на основании уже появившихся в печати многочисленных воспоминаний местных рабочих, с глубоким уважением чтущих память «Отца».

I.

Рождение Федора Афанасьева.—Семья его отца.—Первое поступление на фабрику.—Кренгольмская мануфактура и порядки на ней.—Волнения рабочих в 1872 году.—Школьное образование.—Жизнь до 1887 г.

Федор Афанасьевич Афанасьев[1] родился 8 февраля 1859 года в семье крестьянина дер. Язвищ, Редкинской волости, Ямбургского уезда Петербургской губернии. Кроме него в семье его отца было еще три сына — Егор, Прокофий и Алексей. Скудная местная природа, бедная постановка сельского хозяйства, а также малоземелье не могли дать достаточных средств к жизни большой крестьянской семьи, а потому троим братьям, в том числе и Федору, пришлось еще мальчиками оставить родную деревню и искать заработка на стороне. Только младший брат, Алексей, остался на родине и, по примеру отца, занялся сельским хозяйством.

Федору Афанасьеву было только 12 лет, когда он начал самостоятельную жизнь, отданный в 1871 году в качестве ткацкого ученика на фабрику Товарищества Кренгольмской мануфактуры, расположенную в нескольких верстах от дер. Язвищ, на острове реки Наровы-Кренгольме, в 1½ верстах от города Нарвы.

Это было в то время одно из самых крупных промышленных предприятий России, основанное в 1856 году бароном Людвигом Кнопом и уже в следующем году преобразованное им в товарищество на паях. Первоначально работало только прядильное отделение, а в 1859 г., т. е. как раз в год рождения Федора Афанасьева, была пущена в ход и ткацкая фабрика[2].

Ко времени поступления Афанасьева на фабрику на ней было 239.692 ватерных и мюльных веретен и 1647 механиче-

ских и ткацких станков, на которых работало 6.000 чел. рабочих. Обороты мануфактуры достигали до 7 миллионов рублей в год, а дивиденд, получавшийся акционерами, доходил до 35%. Кренгольмская фабрика была в то время гнездом самой беззастенчивой капиталистической эксплоатации.

В силу покровительства царской власти возникновению и развитию этого крупного предприятия, мануфактура имела свой собственный полицейский устав, делавший ее независимой от общих правительственных учреждений и обращавший ее как бы в маленькое самостоятельное государство. На основании этого устава, правление мануфактуры имело собственную фабричную полицию, имевшую право подвергать рабочих денежному штрафу в размере заработной платы от 1 до 10 дней, телесному наказанию от 1 до 50 ударов розгами и содержанию под арестом до 2-х суток.

Положение рабочих было ужасно: рабочий день продолжался 14 часов, не включая обеденного перерыва в 55 минут, на завтрак времени не уделялось, и приносить с собой на фабрику еду запрещалось. Так как окружающая местность была малолюдна, жить рабочим приходилось в специально-выстроенных товариществом рабочих квартирах, за пользование которыми вычитались из заработка значительные суммы. В санитарном и гигиеническом отношении квартиры рабочих оставляли желать многого. Кубическое содержание воздуха было незначительным, и духота достигала невероятных размеров, щели нар кишели паразитами, для подстилки служила собственная одежда, а иногда мешки, набитые соломой; грязь и неимоверное переполнение домов превосходили всякое вероятие.

При осмотре этих домов во время холеры 1872 года было, напр., обнаружено, что в одной и той же комнате помещались, как умершие и больные, так и здоровые, которые «походили более на двигающиеся тени, чем на живых людей». В комнатах, расчитанных на пять человек, помещалось от двадцати пяти до тридцати человек. Кроме жилищ предметом эксплоатации товарищества было и питание рабочих, и бани для них, и больница.

Особенно тяжело было положение малолетних рабочих, которых было немало, так как детский труд применялся на этой фабрике очень широко. Дети, среди которых было много

из воспитательного дома, представляли собой в полном смысле белых рабов фабрики. Мануфактура брала на себя полное их содержание до достижения питомцами 21 года. Жалованье полагалось им от 3 до 8 рублей в месяц. Но эти деньги, за вычетом из них расходов на содержание и одежду, сохранялись до совершеннолетия детей в фабричной кассе.

Этот порядок был до крайности тяжел для подростков, которые были вынуждены воровать и заниматься проституцией, чтоб достать денег на свои нужды. Ближайший надзор за детьми осуществлялся сторожами, которые щедро наказывали их за малейшие провинности, назначая в работу по воскресеньям и праздникам, карцер и розги до 10 ударов.

Рабочий день детей, как и у взрослых, длился 14 часов, кроме того они должны были 1½ часа проводить в фабричной школе. В результате такого продолжительного рабочего дня дети к концу дня бывали так истощены, что теряли даже голос. Даже за школу со всех малолетних взималось по 20 копеек в месяц, причем от этой платы никто не освобождался, даже и те, кто не мог ходить в школу.

По малейшему поводу как с взрослых, так и с малолетних, брались значительные штрафы. В 1870 году ежемесячная выдача денег рабочим доходила до 35 тысяч рублей, а сумма штрафов до 1-ой тысячи.

В такие тяжелые условия капиталистической эксплоатации попал в первые годы своей самостоятельной жизни 12-ти летний Федор Афанасьев. И фабрика, сделав из него хорошего ткача, в то же время сильно испортила ему на всю жизнь здоровье.

На следующий же год после поступления Ф. Афанасьева на фабрику Кренгольмской м-ры, среди рабочих произошли крупные волнения, сыгравшие заметную роль в истории русского рабочего движения, так как это было одно из первых крупных выступлений русского рабочего против капитала. Случилось это так.

В июле 1872 года правление фабрики приступило к углублению каменистого русла реки Наровы, для чего было нанято 800 каменщиков. Обстановка работы их была так тяжела, что начавшаяся в конце июля в Нарове и ее окрестностях эпидемия холеры стала уносить из их среды много жертв.

Несмотря на противодействие правления, каменщики коллективно бросили работу и ушли, не получив паспортов и расчета.

Пример каменщиков оказался заразительным, и с 14 августа заволновались ткачи, требуя выполнения некоторых льгот, обещанных управлением при найме и впоследствии невыполненных. При этом ткачи так решительно угрожали забастовкой, что администрации пришлось пойти на уступки, о чем был составлен 21 августа 1872 года особый акт, в присутствии эстляндского губернатора, уполномоченного мануфактуры Кольбе и 60-ти выборных рабочих.

Но вот 9 сентября разнесся слух, что двое рабочих, Брунс и Пиккамяги, с одобрения фабричной полиции, составили прошение об отмене льгот и стали приглашать некоторых рабочих в трактир на Кренгольме, обещая угостить водкой за подписание этой бумаги. Тогда толпа из 15 человек явилась в трактир и потребовала бумагу. Брунс и Пиккамяги бежали.

Фабричная администрация увидела в этом буйство и 10 сентября арестовала 4-х участников, приговорив их к семидневному аресту при Нарвской тюрьме.

Это возмутило рабочих, и 11 сентября ткачи в числе 200 человек, оставив работу, ворвались в контору, требуя освобождения арестованных. Получив отказ, они об'явили, что никого не пустят на работу, и в 12½ часов дня толпа ткачей загородила узкий мост, ведущий с берега реки на фабрику, и стала угрожать дубинами тем, кто хотел итти на работу. Часть рабочих отправилась в Нарву, с камнями в руках окружила дом управляющего, где сидели их арестованные товарищи, выломала двери и освободила их. В это время появился отряд войска, который разогнал толпу, не употребляя оружия.

На другой день, 12 сентября, волнения усилились. Рабочие стали бросать в патрули камнями и отказывались стать на работу. В помощь отряду, состоявшему из 220 человек, губернатором было вытребовано подкрепление из Ямбурга.

С прибытием этого подкрепления беспорядки прекратились. Вся фабрика была закрыта на 5 дней для выяснения происшествия особой правительственной комиссией. В результате ее работ, после долгой и сложной переписки, полицейский устав мануфактуры был отменен и сделаны частичные улучшения быта рабочих[3].

Несомненно, что эти события не могли не оставить глубокого следа в душе маленького ткача, Федора Афанасьева, и, может быть, с этого момента нужно видеть зарождение в нем того революционного духа, который был присущ ему в течение всей его жизни.

Работая на фабрике, Федор Афанасьев, наряду с прочими подростками-рабочими, посещал вечерние курсы при фабричной школе, где научился грамоте и которую окончил по 4-му разряду. Среди учителей этой школы были народники-революционеры, которые в те времена в целях революционной пропаганды старались проникнуть во все места, где можно было ближе столкнуться с рабочими и крестьянами[4]. Знакомство с ними окончательно толкнуло Ф. Афанасьева на путь революционного движения.

На Кренгольмской мануфактуре Федор Афанасьев проработал, повидимому, до своего переезда в Петербург в 1887 году[5], т. е. в течение 15 лет, но из личной его жизни за эти годы ничего неизвестно.

Следуя за своими учителями-народниками, он в своих взглядах на революционное движение примыкал в это время к народовольческим кружкам. Есть даже известие, что он был знаком с знаменитыми революционерами-рабочими Петром Алексеевым и Степаном Халтуриным[6].

II.

Переезд Афанасьева в Петербург. — Переход от народничества к марксизму.—Эпоха „кружковщины".—Возникновение центральной организации рабочих кружков.—Работа Афанасьева в рабочих кружках.—Собрание рабочих в его квартире по воспоминаниям Л. Б. Красина.

Конец 80-х годов был переломной порой в истории русского революционного движения. Это был период теоретических исканий в связи с выяснившимся крушением народовольчества. Интеллигентская по преимуществу «Народная Воля» в эти годы явно клонилась к упадку: все реже появлялась нелегальная литература, все менее крупными становились террористические акты. Вожди партии сходили со сцены, а на их место становились менее крупные люди.

Наряду с падением народовольчества приобретало все большее и большее значение новое социал-демократическое движение, зародившееся в 1883 году за границей в виде так называемой «Группы Освобождения Труда». Почти одновременно с ней в Петербурге образовалась социал-демократическая группа, об'единившаяся вокруг студента-болгарина Дмитрия Благоева.

В то время как народовольцы, идя с пропагандою социализма к рабочим, преследовали цель вербовать из их среды смелых и самоотверженных террористов, социал-демократы стремились приготовить из них преданных и сознательных руководителей рабочего движения, так как основою социал-демократического учения был взгляд, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

В 1886 году группа Благоева была арестована, покушение на Александра III, произведенное в марте 1887 года Александром Ульяновым, совместно с другими, еще более усилило реакцию и, казалось, подавило всякие проблески революционного движения.

В этом же 1887 году и явился в Петербург двадцативосьмилетний Федор Афанасьев и поступил в качестве ткача на фабрику Воронина, на Резвом острове.

Вот какую характеристику политического момента дает очевидец тогдашних петербургских событий, известный социал-демократ, в то время молодой студент-технолог, М. И. Бруснев.

«Настроение было в высшей степени подавленное. Все боялись друг друга и каждый всех вообще. Нелегальная литература, почти исключительно старая, времен расцвета «Народной Воли», и отчасти издания «Группы Освобождения Труда» не читалась, а лишь хранилась в тайниках у лиц, безукоризненно чистых и невинных в политическом отношении.

В 1888 году политическая атмосфера среди студенчества начала мало-по-малу проясняться. В этом году произошли грандиозные по тому времени студенческие «беспорядки», хотя и закончившиеся, как всегда, суровыми репрессиями по отношению к виновным, а отчасти и неповинным в них студентам, но имевшие в то же время и благодетельное влияние на настроение студенческих масс. Стали образовываться студен-

ческие кружки саморазвития, причем эти кружки не стояли одиноко, а обнаруживали сильнейшую тенденцию к об'единению и организованности».[7]

Уже в следующем году студенческие кружки приняли более активный политический характер. В тех кружках студентов-технологов, где вращался Бруснев, большинство высказывалось за социал-демократическую программу, и, действительно, студенты сорганизовались в довольно большое общество социал-демократического направления».

«К этому же социал-демократическому сообществу,--продолжает Бруснев,—примкнули студенты, у которых уже были непосредственные связи с рабочими. Таким образом, работа наша (т. е. пропаганда среди рабочих) началась сейчас же. Конечно, не все члены «сообщества» сейчас же приступили к занятиям с рабочими,—большинство для этого не было подготовлено. Во главе «сообщества» стоял центр, об'единявший социал-демократические студенческие кружки не только в Технологическом Институте, но и в других учебных заведениях Петербурга.

Исходя из постоянно ощущаемого недостатка в интеллигентах и из основного нашего принципа, что освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих, мы поставили себе главною и основною целью выработать из участников наших рабочих кружков вполне развитых и самостоятельных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов. Согласно с этой целью мы подробно разработали программу занятий для подготовки пропагандистов-рабочих.

В этой работе прошел зимний сезон 1889-90 гг. У нас организовалось около 20 кружков для пропагандистов и параллельно с ними целый ряд кружков второго порядка с руководителями из рабочих».

В числе этих руководителей-рабочих был и Федор Афанасьев. По прибытии в Петербург он, как и большинство сознательных рабочих, скоро от народовольчества перешел к партии социал-демократов.

Зимой 1889-1890 г. разрозненная сеть кружков была приведена в общую связь. «Было решено организоваться,—пишет рабочий-революционер Н. Д. Богданов,—и было устроено в Га-

вани первое организационное собрание, на котором были представители всех кружков.

В видах конспирации, выборное начало не применялось, а представителями кружков были их организаторы.

Там в Гавани, в маленькой комнате рабочего Балтийского завода Владимира Фомина был выработан и принят устав нашей организации. Были установлены районы, и от каждого района по одному представителю в комитет. Всех кружков во всех районах было около 10, и в каждом было от 5 до 8 человек. Не велики были наши силы, но огромны воодушевление и решимость начать борьбу за освобождение рабочего класса.

Насколько я помню, наш первый комитет состоял из 7 человек: Василия Буянова, Гавриила Мефодиева, Федора Афанасьева, Петра Евграфова, Егора Климанова, Николая Богданова и представителя от интеллигенции, публициста В. С. Голубева; председателя не было, кассир был Климанов и секретарем Богданов. Собрания комитета были раз в неделю, и собирались по очереди у членов комитета»[8].

Федор Афанасьев вел занятия с ткачами фабрик по Обводному каналу и у Нарвской заставы, причем, по словам В. М. Карелиной, которая называет Афанасьева «замечательной личностью», он организовал кружок ткачей, в который входили: он сам, его брат Егор, их зять Яков, Анна Егоровна Гаврилова, ткачиха с фабрики Поля, В. М. Карелина и рабочий Григорий Нечесанный[9].

В кружковых занятиях Афанасьеву помогал его брат Егор и прибывший в Петербург к осени 1890 г., высланный ранее за студенческие беспорядки, студент Л. Б. Красин[10].

Последний так описывает свою первую встречу с Афанасьевым: «Вошли в небольшую комнату с двумя окнами; из-за стола, с небольшой керосиновой лампой, навстречу нам поднялся сухой, сутуловатый человек с бледным лицом и горящими глазами, выражение которых как-то скрывалось за очками, сильно увеличивающими зрачки. Это был организатор кружков, Федор Афанасьев, по профессии ткач.

Сухой кашель прерывал его речь, а тонкие, нервные пальцы выдавали многолетнюю привычку управляться с нежной хлопчато-бумажной нитью на ткацком станке.

Имя Федора Афанасьева принадлежит к числу тех имен, которые на вечные времена должен чтить рабочий класс России. Уже в те дни вся его жизнь была посвящена исключительно пробуждению сознания и организации рабочего класса.

Несмотря на свое слабое здоровье, этот человек носил в себе неисчерпаемый запас энергии и страсти, весь был полон планов, вечно будил и толкал менее развитых рабочих, организовывал кружки, кассы взаимопомощи, используя каждое событие фабричной жизни, каждый нумер газеты, чтобы указывать рабочим на их интересы и призывать их к об'единению, к борьбе за отстаивание этих интересов.

Федор Афанасьев был одним из того десятка руководителей рабочего Питера, которые стояли во главе нескольких подпольных рабочих кружков, выступали руководителями рабочих при отдельных, тогда еще едва начинавшихся массовых выступлениях, в роде стачек, требования удаления нелюбимых мастеров, борьбы за увеличение заработной платы и т. д...

Мы условились,—продолжает Красин,—относительно начала занятий, причем за неимением иных возможностей, решили заниматься в этой же комнате Федора Афанасьева раза два в неделю.

Через несколько дней таким же порядком я пришел к Федору Афанасьеву и застал у него в сборе весь кружок. Я уже не помню теперь всех его участников. Там было 6 или 7 рабочих, большею частью молодежь от 20 до 25 лет, среди них—брат Федора — Егор, впоследствии также довольно известный в рабочих кружках Петербурга.

Первое собрание нашего кружка было посвящено взаимному ознакомлению и общей цели наших будущих занятий. Согласно принятому правилу, мы исходили из непосредственных интересов рабочих, и потому отправным пунктом моей беседы были краткие очерки тогдашнего положения рабочего класса в России, на основании, главным образом, тех материалов, которые публиковались в отчетах фабричных инспекторов».

Кроме занятий по политическим вопросам в кружке велись занятия и по общему образованию.

Работа в этих кружках всегда представляла известную долю риска, и как слушатели, так и учитель, идя на собрание, никогда не могли быть уверены, что после него они вернутся по домам, а не очутятся в одном из полицейских участков, а затем в тюрьме.

Однажды, в декабре 1890 г., когда Красин с несколькими рабочими находился в комнате Афанасьева, стоявший на страже рабочий, взволнованный, вбежал в комнату со словами: «Старший дворник».

«Мы переглянулись,—рассказывает Красин,—переменили места. Федор Афанасьевич вытащил из шкапчика бутылку с водкой и несколько рюмок, и вся компания приняла вид приятелей, собравшихся по поводу именин или чего-нибудь в этом роде.

Через несколько минут вошел в комнату дворник и испытующим взглядом окинул всех присутствующих. Федор предложил ему выпить, сказав, что один из его приятелей—именинник, занимая в своем доме лишь угол, попросил его разрешения собраться у него в комнате, чтобы с приятелями отпраздновать именины». Благодаря этому удачному маневру Федора Афанасьева, все дело кончилось благополучно. А могло бы оно окончиться и иначе, так как, замечает Л. Б. Красин, по тем временам раскрытие такого кружка, несомненно, послужило бы поводом для создания громкого дела, а для всех участников окончилось бы несколькими годами отсидки и высылки на продолжительное время в Сибирь или северные губернии[11].

III.

Публицист Н. В. Шелгунов и поднесение ему адреса от депутации петербургских рабочих.—Участие в депутации Ф. Афанасьева.—Смерть Шелгунова и его похороны при участии рабочих.

Первое публичное выступление петербургской рабочей организации состоялось по поводу поднесения от ее имени адреса больному писателю Шелгунову.

Известный публицист Николай Васильевич Шелгунов, автор «Очерков русской жизни», составляет в русской публицистике переходное звено от народнического направления 60—80-х годов к общественному движению 90-х, известному

под именем «марксизма». Между последним и прозведениями Шелгунова существует не случайная, а идейная органическая связь. В этих произведениях пробиваются уже с стихийной силой ростки новых дум и настроений, окончательно созревших в поколении 90-х годов. В последний период своей работы Шелгунов вел определенную литературную борьбу с народничеством, окончательно утратившим непосредственное и здоровое общественно-политическое чутье.

С этой точки зрения чрезвычайно характерен факт, сообщаемый известным публицистом, Н. К. Михайловским, в его вступительной статье к «Сочинениям Шелгунова» (изд. 1891 и посл. годов). Из статьи «Рабочий пролетариат в Англии и Франции» (изложение Энгельса) Шелгунов исключил в новом издани своих сочинений одно ярко-народническое место, предостерегающее Россию от превратных путей экономического развития Европы. Это исключение, произведенное в 1891 году, было признаком явственно намечавшегося поворота к марксизму[12]. Отсюда понятно было уважение к Н. В. Шелгунову марксистски-настроенных рабочих.

Вот как рассказывает о поднесении адреса Шелгунову член центрального рабочего кружка, В. С. Голубев: «Писатель в феврале и марте 1891 г. сильно заболел и не вставал с постели. К нему ходили выражать соболезнование депутации от студентов, от литераторов, вообще от интеллигенции. Через Семена Петровича (студента, которого так называли), мы обратились к знакомой нам писательнице, Е. Т. Бартеневой, хорошо знавшей семью Шелгуновых, с просьбой, чтобы она узнала: согласится ли Шелгунов принять депутацию от рабочих с выражением ему соболезнования.

Шелгунов, как передавала Бартенева, был необыкновенно тронут таким сообщением и был несколько удивлен тем, что его знают рабочие. А рабочие его действительно знали по некоторым его статьям и, главным образом, по статьям его «Пролетариат в Англии и Франции».

Заручившись согласием на прием депутации, центральный рабочий кружок стал обсуждать вопрос об адресе и о составе депутации. Было решено, что адрес напишут сами рабочие, депутатов пойдут двое, причем одним из них должен был быть непременно Федор Афанасьев, пожилой рабочий ткач. Его мы намечали и за то, что он был умный, весьма уважаемый то-

варищами и горячо преданный делу рабочий, и за то, что он имел весьма почтенный вид, казался даже стариком, несмотря на то, что ему в то время было не больше 40 лет. В таком зрелом возрасте рабочих социалистов было, конечно, очень мало. Вот почему так ценился нами и возраст, и почтенность вида»[13].

Сцена посещения Шелгунова рабочими вышла очень знаменательной и до слез растрогала больного писателя. Приветливый, чуткий к запросам читательской души, ветеран освободительного движения, на вершине своей славы умирающий в убогой квартире, где то на втором дворе, очаровал посетителей, которые слишком хорошо знали, что такое нужда. Вот самый текст «адреса Петербургских рабочих Н. В. Шелгунову»:

«Дорогой учитель Николай Васильевич! Читая Ваши сочинения, научаешься любить и ценить людей, подобных Вам. Вы первый признали жалкое положение рабочего класса в России. Вы всегда старались и стараетесь до сих пор об'яснить нам причины, которые отодвигают нас назад и держат нас в том угнетенном состоянии, в котором мы закованы, словно в железные цепи, нашими правителями и капиталистами.

Вы познакомили нас с положением братьев-рабочих в других странах, где их тоже эксплоатируют и давят. Картина, которую Вы нарисовали, пробудила интерес сначала не в рабочих, а в других классах; да не для рабочих Вы и писали. Русские рабочие принуждены так много и так постоянно работать, чтобы только жить, что им некогда читать. Да большая часть и не умеет читать, а если кто из них и умеет,—что он найдет в книгах, написанных для рабочих?

Никто не учит нас, как выбираться из жалкого положения, в котором мы теперь находимся. Нам твердят о терпении, о молчании, о том, чтобы мы не давали воли выражению наших страданий, и за это обещают награду в будущем.

Только благодаря людям, которые, по Вашим собственным словам, имеют несчастие смотреть выше общего уровня или выше классовых интересов, научились мы понимать Ваши сочинения и узнали, как наши товарищи-рабочие в Западной Европе добились прав, борясь за них и соединяясь вместе. Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы.

Те рабочие, которые поняли это, будут бороться без устали за лучшие условия. Вы выполнили Вашу задачу,—Вы показали нам, как вести борьбу.

Может быть, ни Вы, ни мы не доживем до того, чтобы увидеть будущее, к которому стремимся и о котором мечтаем. Может быть, не один из нас падет жертвою борьбы. Но это не удержит нас от стараний достигнуть нашей цели».

После посещения рабочими Шелгунова в литературных кругах заговорили о появлении новой силы, нового читателя и нового рабочего движения. Среди ученых, писателей и издателей стали появляться люди, желающие работать для удовлетворения духовных запросов нового нуждающегося читателя.

Между тем дни Шелгунова были сочтены. Когда Мефодиев, один из членов депутации, подносившей адрес, рассказывал М. О. Ольминскому о приеме депутации Шелгуновым, Ольминский заметил: «Вероятно, он вскоре умрет. Нужно будет рабочим демонстративно участвовать в похоронах.—Ах, не говорите теперь об этом,—со слезами воскликнул Мефодиев.—К сожалению,—замечает Ольминский,—говорить пришлось очень скоро».

Носились слухи, что градоначальник, предвидя, что Шелгунов скоро умрет и что без демонстрации на могиле этого борца за рабочее дело не обойдется, хотел выслать умиравшего Шелгунова из пределов города, но не успел этого сделать. В пятницу,—рассказывает Ольминский,—на литературном вечере, в зале городской думы, разнеслась весть о смерти.

В воскресенье утром в квартире Шелгунова и на узкой лестнице можно было среди интеллигенции заметить до десятка рабочих. Мефодиев попал на фотографический снимок у гроба. Тут же на лестнице, в нише окна, была решена надпись: «Указателю пути к свободе и братству—от петербургских рабочих».

Тотчас все мы вместе поехали на Садовую, потом на Казанскую и купили металлический венок с темнозелеными дубовыми листьями,—символом крепости рабочей руки.

Надпись на ленте отпечатали в граверной мастерской эстонца Лийв, с согласия хозяина, сочувствовавшего рабочему движению.

Хоронили Шелгунова в понедельник,—рабочий день. Тем не менее к выносу явились и рабочие. Публика хотела нести гроб на руках. Полиция стала грубо отрывать руки от ручек гроба. Гроб склонился на бок, и был момент, когда труп готов был упасть на мостовую. Пришлось подчиниться насилию полиции. Но тут быстро были разобраны венки, уже сложенные на повозку (до 50 штук).

Это было полным нарушением порядка, так как незадолго перед тем вышло запрещение нести венки во время похорон на руках. Полиция заволновалась больше прежнего. Протестующее настроение публики росло. Писатель Н. К. Михайловский уговаривал молодежь подчиниться, но безуспешно. В конце концов полиция уступила, и венки протянулись над головами длинной лентой.

— Рабочих вперед—послышались возгласы, и суровый венок с дубовыми листьями открыл шествие. Вокруг него, как вокруг знамени, сомкнулись рабочие.

После реакции 80-х годов это был первый публичный протест против самодержавного гнета. И знаменательно, что впереди противозаконного, демонстративного шествия шли рабочие, и что первое же выступление рабочих сопровождалось победой их над агентами самодержавия.

Путь от Воскресенского проспекта до Волкова кладбища шел по Знаменской ул.; но рабочие свернули к Литейному, и процессия прошла по более людным улицам. На Литейном проспекте, несмотря на противодействие полиции, удалось остановить движение вагонов. У Обводного канала примкнула новая группа рабочих[14].

«Подходя к могиле,—рассказывает К. Норинский,--шествие остановилось, чтобы отслужить панихиду. Мне передавали, что «отец духовный» убежал из церкви, узнав в чем дело. Так и не пришлось чинить этой ненужной обрядности.

Вокруг могилы тысячи обнаженных голов разместились тесным кольцом. Чуть ли не все ближайшие деревья были заняты. Многие из молодежи вынимали хлеб ,закусывали: как видно, некоторые из них заняли позиции еще с утра.

Гроб Н. В. Шелгунова опущен. Тут выходит его друг, писатель Вологдин-Засодимский, и говорит несколько прочувствованных слов. За ним студент читает стихотворение. Далее

говорят еще несколько человек. Наконец, поднимается последний и говорит от имени рабочих. В промежутке между речами по публике ходит студенческая фуражка, полная денег. Студент, у которого она в руках, оповещает, что сбор в пользу красного креста.

Наконец, все кончено. Товарищи спешат по добру по здорову унести ноги. Все разбиваются на небольшие группы. Полицейские ищейки пускают в ход все свое чутье и напрягают усилия обогнать всех. Наша группа добирается благополучно, и вся наша ячейка осталась нетронутой, тогда как во многих районах в эту ночь сделаны были выемки и аресты.

Эта демонстрация лучше долгой подготовки кружковой спаяла нас, выучив многому, и в то же время еще более убедила в необходимости вести борьбу до конца»[15].

В воспоминаниях разных лиц о похоронах писателя Шелгунова нет прямого указания на то, чтоб среди рабочих присутствовал Афанасьев. Но можно с несомненностью предполагать, что и он был на этой демонстрации.

За это говорит хотя бы то, что сцена посещения рабочими больного Шелгунова, по словам С. И. Балашова, глубоко врезалась в память Афанасьева. Последний дословно помнил и слова рабочих, и ответ писателя, и всегда говорил об этом с глубоким чувством[16].

IV.

Первое празднование 1 мая в Петербурге, в 1891 г.—Четыре речи рабочих.—Речь Федора Афанасьева.—Шпики и патрули рабочих.—Нелегальное издание этих речей в Петербурге и Женеве.—Их агитационное значение.

На 1-м международном социалистическом конгрессе в Париже, в 1889 г., было принято постановление об ежегодном праздновании 1 мая.

Смысл этого нового рабочего праздника заключался в массовых заявлениях пролетариата о том, что интересы пролетариев всех стран—солидарны, что рабочие всего мира воодушевлены одними и теми же идеалами и что для достижения этих идеалов они готовы бороться до конца.

И вот, начиная с 1890 г., рабочие всех больших городов Запада стали 1 мая выходить на улицы с развевающимися

красными знаменами, с пением революционных песен и выставлять свои экономические и политические требования.

Русские рабочие находились в то время в неизмеримо более тяжелых условиях, чем их западно-европейские товарищи. Они не могли открыто заявлять свои требования, и 1 мая им приходилось праздновать тайком.

Такое первое тайное празднование 1 мая было устроено в 1891 г. центральным петербургским рабочим кружком, руководимым тогда социал-демократом—интеллигентом, М. И. Брусневым.

Мысль устроить маевку возникла сейчас же после шелгуновской демонстрации. Сначала рабочие организации хотели воспользоваться для этого существовавшим у петербургских рабочих обычаем проводить первое мая в Екатерингофском парке, но потом мысль эта была оставлена.

«Комитет, — вспоминает Бруснев[17], — поручил мне и Е. А. Климанову выбрать место для устройства первомайского собрания и назначить время. Первое число было уже пропущено, и мы назначили первое майское воскресенье по старому стилю.

Разыскивать подходящее место для собрания мы поехали в лодке. Побывали на Крестовском острове (тогда довольно пустынном) и на взморье, у реки Екатерингофки. Последнее место нам показалось наиболее подходящим. Здесь мы нашли лужайку, почти со всех сторон закрытую деревьями.

В комитете было решено, что на собрании с речами выступят только рабочие; из интеллигентов, кроме меня, предложили присутствовать еще Цивинскому. С речами должны были выступить рабочие Богданов, Ф. Афанасьев, В. Прошин и Егор Климанов.

Прошин написал свою речь заранее и передал в кружок интеллигентов для некоторой литературной отделки. Впрочем, были исправлены лишь незначительные грамматические и стилистические промахи. Остальные речи были составлены без всякого участия интеллигенции.

В назначенный день, который выдался теплым и ясным, на избранное место, с утра стали стекаться участники празднества. Для предупреждения неожиданностей со стороны полиции были приняты меры предосторожности и расставлены по пути патрули.

Около 11 часов утра приехали в лодке Бруснев и Климанов, затем прибыли остальные. Всего собралось до ста человек, между которыми было и несколько женщин, напр., Вера Карелина и тов. Маша.

Приблизительно около часу дня собрание было открыто. Вначале им руководил Цивинский, одетый в костюм рабочего. Присутствующие разместились вокруг руководителей компактною массой. Время проходило очень оживленно, и речи, произнесенные рабочими, были очень удачны, горячи и крайне образны.

В. В. Святловский, также участник этой маевки, определяет точно, что говорил каждый оратор, кроме третьей речи, автора которой он не запомнил.

Путем сопоставления его воспоминаний с воспоминаниями других участников собрания можно с категорической точностью установить, что эта третья речь была произнесена Федором Афанасьевичем Афанасьевым.

Вот эта речь дословно в том виде, как она напечатана в сборнике «От группы Благоева...» на страницах 123—125-й:

«Товарищи! Обращая внимание на наше положение, мы видим, что все наши страдания происходят от существующего экономического строя.

Следовательно, чтобы улучшить наше положение, мы должны стремиться к замене существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулацкой эксплоатации, на более лучший и справедливый социалистический строй.

Но для того, чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести политические права, которых в настоящее время мы не имеем. Приобрести же политические права мы будем иметь возможность лишь только тогда, когда на нашей стороне будет такая организованная сила, которой правительство не решилось бы отказать в ее требованиях и которая настойчиво требовала бы от него следующих уступок:

Во-первых: учреждения конституции, основанной на общем и прямом избирательном праве, т.-е. чтобы все законы страны утверждались и отменялись не по дикому произволу царя, а по обсуждении их высшим законодательным собранием, в котором заседали бы избранные народом депутаты.

Выборы в законодательное собрание должны производиться народом, и каждый гражданин страны, кроме осужденных за нечестное поведение, может выбирать и быть выбранным депутатом в законодательное собрание. Содержание же этих депутатов должно итти от государства и выдаваться им на руки в виде жалованья. Это необходимо для того, чтобы депутатами могли быть люди не богатые, а преданные делу народа и вполне способные для этого.

Во-вторых, нужно, чтобы число войск определялось собранием депутатов и чтобы по их постановлениям войска во всякое время могли быть распущенными. А для того, чтобы солдаты не забывали, что они тот же народ, и что интересы народа солидарны с их интересами, нужно сократить, насколько возможно, срок военной службы и сделать так, чтобы граждане отбывали ее на родине и во время отбывания ее имели бы возможность вести тесные сношения с семьей.

Тогда солдат, сознавая свою солидарность с народом, не решится никогда итти во вред ему. Это необходимо для того, чтобы правительство не имело бы возможности принуждать граждан силою войск исполнять законы, неутвержденные или отмененные собранием депутатов. Для того же, чтобы все постановления законодательного собрания исполнялись в точности, необходимо, чтобы лица на все высшие государственные должности назначались бы и смещались только собранием депутатов.

В третьих, свободу избирательной агитации, свободу слова и свободу печати. т.-е. совершенное отсутствие всякой цензуры, и чтобы всякий мог безнаказанно выражать на словах или в печати какие бы то ни было убеждения, а также, чтобы не существовало никаких залогов при издании книг и журналов; это необходимо, чтобы издавать их имели возможность и рабочие.

В четвертых, свободу сходок и организаций.

В пятых, свободу религий.

В шестых, бесплатное широкое образование для народа.

И в седьмых, чтобы всякого рода преступления разбирались судом присяжных.

Не забудьте, товарищи, эти требования, потому что это первые и главнейшие, которые мы должны будем пред'явить

правительству при первой возможности, ибо только тогда мы будем иметь все то, что изложено в этих требованиях.

Обладая такими правами, мы можем тогда выбрать в законодательное собрание таких депутатов, которые будут составлять и утверждать только такие законы, которые будут полезны для большинства народа, а законы, существующие во вред ему, будут уничтожать. И, таким образом, мы будем иметь возможность перестроить весь существующий экономический строй на более лучший и справедливый.

Картину же этого лучшего и справедливого строя я не буду развертывать перед вами, потому, что, как она ни хороша, но никто не может поручиться, что люди с течением времени не выдумают лучше, и еще потому, что ознакомиться с нею можно вполне, прочитав брошюру Шефле — «Сущность социализма», или роман Беллами «Через сто лет».

Переходною же ступенью к будущему экономическому строю может служить национализация земли, т. е., что государство выкупит всю землю, находящуюся в частной собственности, и будет сдавать ее в аренду лицам, желающим заняться земледелием в таком количестве, которое они могут обрабатывать собственными силами. А для обзаведения хозяйством, необходимым при земледелии, и для устройства фабрик и заводов рабочим, желающим работать на артельных началах, нужно учредить такой банк, который бы выдавал нуждающимся рабочим ссуды.

Таким образом, постепенно улучшая свое положение, рабочие будут иметь возможность дойти до такого благосостояния, о котором в настоящее время могут только мечтать более развитые из них.

Из всего вышеизложенного мы видим, что для того, чтобы иметь возможность достигнуть полного светлого будущего, нам необходимо прежде всего составить такую организованную силу из рабочих, сознательно стремящихся к улучшению своего положения, которая могла бы принудить правительство уступить ей политические права, лишь только при получении которых мы будем иметь возможность заняться переделкой существующего экономического строя.

Следовательно, в настоящее время нам остается только возможность заняться развитием и организацией рабочих, воз-

можность, которою мы воспользуемся, несмотря ни на какие препятствия и угрозы нашего правительства.

А для того, чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и смелых, и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим.

Следовательно, успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и от нашей энергии; потому, товарищи, наш долг, как честных и развитых людей, приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных пропагандистов и организаторов в социально-революционном деле и энергичных борцов за права человека и светлого будущего».

Когда речи были закончены, кто-то прочел программу для занятий, составленную Брусневым и отпечатанную на гектографе. Затем велись частные групповые беседы на общественно-политические темы, в которых приняли участие Бруснев и Цивинский.

На одном из деревьев был прибит щит с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». На коре того же дерева Святловский и А. Карелин вырезали год и число и свои инициалы. Таким образом прошло время до вечера.

Между тем стало известно, что Вера Карелина и еще кое-кто из товарищей привели за собою шпиков, и что последние уже оцепили лес. Приходилось думать о том, чтобы уйти незамеченными. Было решено возвращаться небольшими группами. Бруснев вместе с Цивинским и Климановым уехали в лодке. Рабочему Норинскому пришлось итти вместе с Никифором Васильевым и тов. Машей.

«Едва миновали опушку,—рассказывает Норинский—как заметили за собой хвост (т.-е. шпика). Чем усиленнее прибавляли ходу, тем сильнее чувствовалась погоня.

Походило на охоту за зверем, хотя в то время я и мои товарищи представляли из себя очень безобидных, незаметных персон. Во время погони набросали план бегства. Решили товарища Машу пустить впереди, сами позадержав ход: узнаем, кто их более интересует. Оказалось,—мы.

Тов. Маша, завернув за ближайший угол, вошла в толпу и затерялась. Мы же двое продолжали шагать, преследуемые шпиками. На одном из поворотов заметили пивную. Место было очень удобное: отсюда шло несколько улиц в разные стороны. Потребовали по стакану пива и в то же время наблюдали. Спустя несколько мгновений, увидели в окно, как шпик остановился на месте, не зная, куда итти. После небольшого раздумья он пошел.

Тогда мы сейчас же вышли из пивной и пустились в другую сторону. Сели в вагон парового трамвая. Проехав немного, слезли и, уверенные, что затерли следы, спокойно пошли к дому.

На другой день утром мне стало известно, что в эту ночь арестовали Влад. Фомина, Ив. Егорова, Яковлева, Медведева; в другом районе—Кириллова, Савельева, П. Кайзо и других. После оказалось, что шпик, затеряв нас, наткнулся на группу товарищей и пустился за ними; часть проводил до дома на 15-й линии Васильевского Острова, а затем пошел за другими».

Произнесенные на первомайском собрании речи были тогда же записаны. Осенью того же года текст этих речей попал в руки народовольческого кружка и был им отгектографирован для распространения, к великому неудовольствию социал-демократической интеллигенции, считавшей, что всякая гласность может только повредить молодой рабочей организации.

Затем речи были перепечатаны заграницей «Группой Освобождения Труда» и изданы в VI выпуске «Рабочей библиотеки» (Женева, 1892 г.) под заглавием «Первое мая 1891 г., четыре речи рабочих, произнесенные на том же собрании в Петербурге, с приложением адреса петербургских рабочих Н. В. Шелгунову и предисловием Г. Плеханова»[18].

Эти четыре речи рабочих сыграли большую роль в дальнейшем развитии русского рабочего движения, так как нелегальная женевская брошюра получила довольно широкое распространение в разных городах России.

«Когда были изданы речи рабочих,—пишет М. Ольминский,—произнесенные на первомайском собрании 1891 года, интеллигенция не хотела верить, что существуют в России рабочие, способные произносить или понимать такие речи».

Так была отпраздновала первая маевка в Петербурге в 1891 г., на которой Федор Афанасьев произнес одну из четырех, ставших историческими, речей.

V.

Поездка Ф. Афанасьева в Тулу.—Переезд его в Москву.—Работа с Брусневым в группах Кашинского и Егупова.—Арест по делу Бруснева.—Показания Ф. Афанасьева на допросах.—Тактика умолчаний и отрицаний.—Приговор, тюрьма и высылка на родину.

После организации социал-демократических кружков в Петербурге возникла мысль об'единить социал-демократическую работу в главнейших промышленных центрах России и прежде всего об'единить рабочее движение Петербурга и центрально-промышленного района, чтобы постепенно создать на деле общерусскую социал-демократическую организацию.

С этой целью вскоре после маевки 1891 г. Федор Афанасьев был послан делегатом в Тулу для установления прочной связи с революционерами-рабочими Буяновым и Руделевым, которые раньше были высланы из Петербурга, и к которым петербургская организация посылала деньги и революционную литературу[19]. Пробыв в Туле несколько дней, Афанасьев вернулся обратно.

Около этого же времени прибыл из Москвы студент Кашинский, организатор московского студенческого кружка социал-демократического направления,—с целью завязать сношения с петербургской организацией. Из слов Кашинского выяснилось, что в Москве совершенно не велась социал-демократическая пропаганда между рабочими. Петербургский комитет решил послать в Москву Федора Афанасьева, который должен был там поступить на одну из фабрик и вести работу в таком же направлении, как она велась в Петербурге.

Ф. Афанасьев переселился в Москву весной 1891 г.[20] и поступил ткачем на фабрику Филонова. Для помощи ему в революционной работе прибыл из Череповца рабочий-металлист Е. Хренов.

Летом 1891 г. Бруснев окончил Технологический Институт и уехал из Петербурга, чтобы посетить Москву, Тулу и Нижний-Новгород и наладить там революционные связи. В Москве

он видел Ф. Афанасьева и Хренова, у которых к этому времени уже завелись сношения с рабочими ткачами и металлистами, и были образованы кружки, где занятия вел сам Ф. Афанасьев.

Из Нижнего Бруснев возвратился в Москву, где застал Кашинского и свел его с Ф. Афанасьевым, а сам отправился в Петербург, чтобы ликвидировать там свои дела с организацией и наладить более тесные связи с Москвой, так как решил основаться на постоянное жительство в Москве, где получил место в мастерских Московско-Брестской железной дороги.

Конец 1891 г. в Москве прошел в усиленной организационной работе.

Группа Кашинского, к которой примкнули Бруснев и Ф. Афанасьев, хотя и стояла на социал-демократическом пути, но еще не отрешилась от некоторых народовольческих взглядов на политическую борьбу, и им пришлось потратить не мало энергии в борьбе с этими взглядами. Кроме небольшой группы Кашинского, социал-демократическое направление в Москве было почти совсем неизвестно.

На фабрике Филонова Ф. Афанасьев пробыл до рождества 1891 г., затем некоторое время был без места, а потом поступил ткачем на фабрику Прохоровской мануфактуры.

В конце 1891 г. московская социал-демократическая группа Бруснева, Кашинского и Ф. Афанасьева столкнулась с Егуповым и его довольно многочисленными кружками. Сам Егупов был террористом и конспиратором чистейшей воды, и социал-демократам незачем было сходиться с ним, но у Егупова были большие связи с заграницей, и он в большом количестве мог доставать нелегальную литературу, в которой они так нуждались. Так, через него были получены издания «Группы Освобождения Труда», «Всероссийское раззорение» Плеханова, четыре первомайские «Речи петербургских рабочих» и др.

Сначала сношения велись с одним только Егуповым. Сношения вел Кашинский, который предложил вступить в более тесную связь со всей группой Егупова, т. е. договориться о совместной работе или даже о слиянии. Бруснев и Афанасьев сперва противились этому сближению, но затем уступили. Было созвано несколько предварительных совещаний, в ре-

зультате которых Егупов быстро переменил фронт и присоединился к социал-демократическому направлению.

С присоединением Егупова дела московской группы пошли быстрым темпом. Московские социал-демократы стали заводить сношения и вступать в организационную связь со многими городами, где только была какая-либо зацепка в виде высланного студента, революционно-настроенного земца и т. п. Это и привело их впоследствии к краху.

В ночь под пасху 1892 г. на квартире Бруснева было устроено большое собрание, в котором участвовали все члены егуповских кружков, группы Кашинского, а из рабочих Ф. Афанасьев и Н. Руделев из Тулы. На этом собрании Кашинский прочитал и защищал составленную им в виде проекта программу группы, причем Бруснев и Ф. Афанасьев возражали против этой программы, так как в ней была примесь народовольческих взглядов.

После этого собрания был намечен такой план действий: Кашинский едет в Киев и заводит там связи с рабочими, Егупов едет в Тулу с нелегальной литературой, а затем в Ревель и Ригу, Бруснев, также с литературой,— в Петербург.

Но департамент полиции, давно уже следивший за революционерами, «в виду перехода Егупова и его единомышленников на более активную почву, признал своевременным прекратить их деятельность и сделал распоряжение об аресте».

26 апреля 1892 года арестовали Егупова на вокзале с билетом в Тулу, Бруснева на квартире с чемоданом литературы, приготовленной для Петербурга. Кашинский был арестован на пути в Киев, но Ф. Афанасьев, бывший у Бруснева ночью накануне ареста, удачно скрылся от сыщиков и уехал в Петербург.

«Ко мне он явился,—рассказывает живший тогда в Петербурге К. Норинский,—как старый знакомый. Мною ему сейчас же был преподан совет поступить на работу к нам на Балтийский завод. Выяснилось тут, что он нелегальный. Тем не менее, мне удалось его определить к нам на завод. Не помню сейчас,—кем: или на станок сверлильный, или же рабочим[21].

Федор Афанасьев очень быстро ориентировался на своем новом месте. Почти с места в карьер стал налаживать связь между отдельно-разбросанными работниками. Личным своим

примером влиял на некоторых распустившихся, вел линию подтяжки,—и его работа за короткое время дала осязательные результаты. Но тут о нем пронюхала полиция и начала не забывать его своими посещениями. После некоторого обсуждения было решено Федора Афанасьева перевести в другой уголок, так как чувствовалось, что небольшое промедление с нашей стороны, и дорогого товарища от нас возьмут на долгое время»[22].

Действительно, 12 сентября 1892 г. Ф. Афанасьев был арестован в Петербурге по делу Бруснева, отправлен в Москву и там подвергнут предварительному заключению в Таганской тюрьме, в которой и просидел 9½ месяцев, — до 30 июня 1893 года.

В течение этого времени он был три раза подвергнут допросу,—12 сентября 1892 г. и 17 февраля и 18 мая 1893 года. На допросе Федор Афанасьев виновным себя в принадлежности к революционному сообществу не признал и вообще держался тактики умолчаний и полного отрицания. Как ни старались жандармы извлечь что-либо полезное из этих показаний Федора Афанасьева, задавая ему разные наводящие вопросы, ничего из этого не получалось.

Вот отрывки из этих показаний[23]:

«Места постоянного жительства не имею, а живу там, где нахожу работу; приписан к деревне Язвищи. Ткач, средства к жизни—мои личные заработки; холост. Родители умерли.

Михаила Ивановича Бруснева не знаю, и в пред'явленной мне ныне фотографической карточке (пред'явлена карточка Бруснева Михаила) не признаю и никого из своих знакомых или лица, когда-либо мною виденного.

... Михаила Егупова, Петра Кашинского, Николая Руделева... не знаю и в фотографических карточках, мне пред'явленных, никого не признаю из лиц, мне знакомых или когда-либо встреченных.

Рабочего Мефодиева—знаю; когда и где я познакомился с ним,—не помню; последний раз видел его в Петербурге, кажется, в 1890 году; работал он тогда на каком-то заводе, на каком именно не знаю, потому что мое знакомство было случайное, встречное.

В пасхальную ночь 1892 г. я был у заутрени, в церкви, что на Большой Пресне. Был ли тогда в церкви кто-либо из ткачей, могших знать меня, мне неизвестно. Ни у какого Бруснева как в ту пасхальную ночь, так и в другое время, я не был, так как Бруснева не знаю.

На Средней Пресне я жил, не знаю, в чьем доме, и кто именно были мои квартирные хозяева. В то время, когда я жил на этой квартире, я работал ткачем на фабрике Прохорова; бывали у меня рабочие этой фабрики.

В той же личности, приметы которой мне описывают: высокого роста, без бороды и усов, и которая помогала мне укладываться при переезде из этой квартиры,—узнаю рабочего-ткача Федора, с фабрики Прохорова, имени же его и отчества не помню; с ним я, после пасхи 1892 года, жил на одной квартире, на той, из которой я уехал в Петербург.

Квартира эта была в Пресненской части, но не знаю, в какой улице и в чьем доме, а равно—кто именно были мои квартирные хозяева; знаю лишь, что у хозяев было два сына, молодые, служившие на той же Прохоровской фабрике,—только они не ткачи».

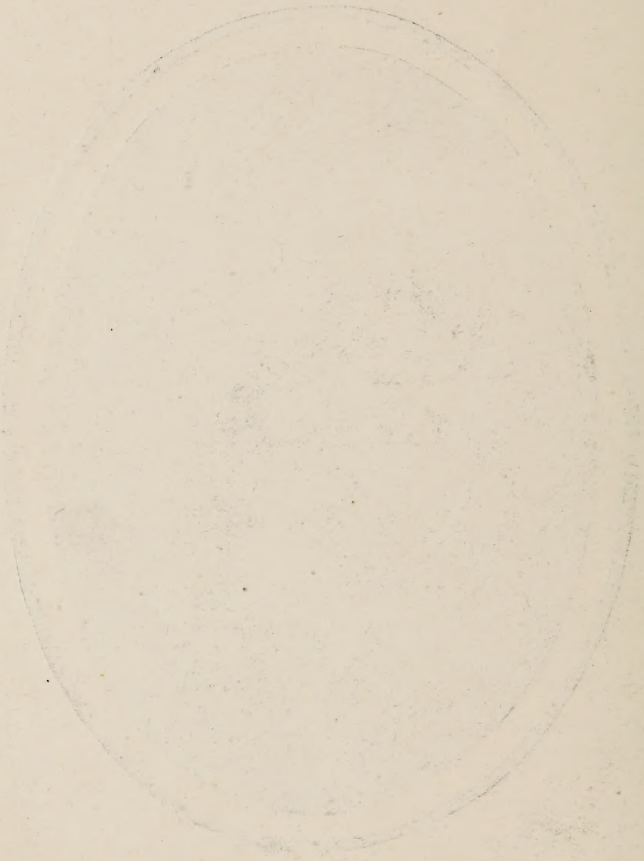
Все эти ссылки на забывчивость, умолчания и отрицания делались Ф. Афанасьевым, конечно, с той целью, чтоб затруднить врагам рабочего класса собирание обвинительного материала против участников рабочего движения.

1 июля 1893 года Ф. Афанасьев был освобожден до окончания следствия из Таганской тюрьмы и отправлен на жительство на родину, в дер. Язвицы, под особый надзор полиции.

Следствие по делу Бруснева закончилось лишь в декабре 1894 г., и 7 декабря был вынесен административный приговор. Бруснев был осужден на 4 года тюремного заключения и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь; Кашинский—на 5 лет ссылки в Западную Сибирь, Ф. Афанасьев, вместе с другими лицами—к одиночному тюремному заключению сроком на один год, причем по отбытии этого наказания он должен был провести еще один год на родине под гласным надзором полиции. Егупов, сделавшийся после ареста предателем, отделался совсем легко,—5-ю годами гласного надзора в избранном им месте жительства.

Федор Афанасьевич
Афанасьев

(1859—1905)



Для исполнения этого приговора Ф. Афанасьев был вытребован в конце 1894 года из Язвищ в Петербург и посажен в «Кресты»[24], петербургскую тюрьму для политических, в которой и просидел до конца 1895 г., а затем был вторично отправлен в деревню Язвищи на жительство в течение года под гласным надзором полиции.

VI.

Жизнь под надзором в дер. Язвищах.—Поездка в Одессу.—Переезд в 1897 году в Иваново-Вознесенск.—Работа на ткацкой фабрике Бурылина.—Прозвище „Отец".—Поездка в Ригу и переезд в Шую.

В деревню Язвищи Федор Афанасьев прибыл в самом конце 1895 г. Здесь, в глуши, почти без связи с внешним миром и без всяких заработков, он не упал духом.

Он стал заниматься обучением детей грамоте, но так как, будучи «политически-неблагонадежным», не имел на это права, вел работу нелегально. В то же время, несмотря на надзор полиции, Ф. Афанасьев продолжал заниматься пропагандой среди крестьян и рабочих соседних фабрик.

Нет сомнения, что ему, проведшему столько лет в городе, в оживленной политической работе, было не по душе в деревенской глуши и сильно тянуло в город к привычной профессии фабричного рабочего.

Поэтому, когда окончился срок его обязательного пребывания в Язвищах, Ф. Афанасьев в начале 1897 г. отправился на заработки в город, на этот раз в Одессу[25], так как в столичные города—Петербург и Москву, как поднадзорный, он вернуться не мог.

В Одессе Федор Афанасьев не нашел другой работы, кроме тяжелой работы грузчика в порту, так как ткацких фабрик там не было, а другой профессии кроме ткача он не имел. Но эта работа была тяжела для его слабых физических сил, и ему вскоре пришлось ее оставить и вернуться в третий раз в родную семью, в дер. Язвищи, по безвыходности положения.

Здесь Федор Афанасьев вскоре получил письмо от брата Егора, который за два года перед этим был арестован и выслан из пределов Петербургской губернии и проживал в Иваново-Вознесенске, работая ткачем на фабрике Д. Г. Бурылина.

В письме Егор Афанасьев приглашал брата приехать для работы в Иваново-Вознесенск. Следуя этому приглашению, Федор Афанасьев отправился в Иваново-Вознесенск в августе 1897 года. Он поступил на ту же ткацкую фабрику Д. Г. Бурылина, где работал его брат. Это была единственная ивановская фабрика, где тогда принимались без разбора все рабочие, изгнанные по разным причинам с той или другой фабрики.

С этого времени начинается революционная работа Федора Афанасьева в Иваново-Вознесенске. Наученный горьким опытом, он вел себя, однако, очень осторожно, и ивановские жандармы, несмотря на то, что знали, что представляет из себя Федор Афанасьев в политическом смысле, никак не могли захватить его врасплох, при самом бдительном за ним наблюдении. Будучи хорошим организатором и пропагандистом, он умело подходил к рабочим, втягивал их в революционную работу, а сам как будто стоял в стороне, давая лишь направление организаторам кружков и только с этими организаторами имея дело.

Широко развить свою деятельность Ф. Афанасьев, однако, не мог, так как работа все время носила в Иваново-Вознесенске самый конспиративный характер и заключалась в привлечении в организацию отдельных рабочих, в организации кружков и руководстве ими.

Пользуясь своим знакомством с членами революционных кружков других городов, Федор Афанасьев старался поддерживать связь этих кружков с ивановской организацией. Кроме связей с Москвой, с помощью его были завязаны сношения с петербургским «Союзом Борьбы за освобождение рабочего класса». Оттуда стали доставляться в Иваново-Вознесенск прокламации разного содержания, а также «Рабочая Мысль».

Приблизительно в это время за Федором Афанасьевым установилось прозвище «Отца»[26], которое он вполне заслужил как по своему внешнему своеобразно-старообразному виду, хотя в то время ему было всего около 40 лт, так и в особенности, по той роли, которую он сыграл в образовании иваново-вознесенской рабочей организации, и по тому глубокому уважению и влиянию, каким он пользовался среди ивановских рабочих. В то же время Федор Афанасьев усердно работал и на фабрике, как ткач, видимо, соскучившись по этой своей профессиональной работе.

Его «хозяин» по фабрике Д. Г. Бурылин, дал мне о нем такой отзыв: «Я считал его одним из самых старательных рабочих. Он всегда относился к работе за станком серьезно, со вниманием. Редкостный рабочий, всегда трезвый и аккуратный. О нем меня часто запрашивали и губернатор, и полиция, и жандармы. Но кроме хорошего я ничего о нем сказать не мог».

В Иваново-Вознесенске Федор Афанасьев провел около трех лет, но слишком замкнутая из-за полицейского гнета политическая работа в Иваново-Вознесенске, повидимому, не удовлетворяла его. Ему хотелось большого простора, и в 1900 г. он переехал в город Ригу, где за 5 лет перед тем открылась большая фабрика Товарищества Зассенгофской мануфактуры, расположенная в Зассенгофе, одном из рижских предместий, на левом берегу р. Двины.

Здесь Ф. Афанасьев поселился вместе с братом Егором, который также переехал в Ригу. Спустя некоторое время, к ним присоединился также переехавший из Иваново-Вознесенска близкий друг их, ивановский рабочий—С. И. Балашов.

В Риге Федор Афанасьев поступил на фабрику Зассенгофской мануфактуры и, по своему обыкновению, снова и не без успеха занялся революционной пропагандой. За полгода своего пребывания в Риге он основал кружок и собрал библиотеку.

Но здесь ему скоро пришлось столкнуться с жандармами. Во время дознания по делу горного инженера Анатолия Рябинина, в квартире Балашова и Федора Афанасьева был произведен обыск. Хотя он и не дал больших, желательных для жандармов результатов, но все же Балашов был привлечен к следствию по этому делу, а Федор Афанасьев оставлен под надзором полиции[27].

Выяснившаяся таким путем причастность Ф. Афанасьева к революционному движению не понравилась и его фабричному начальству, которое также стало его преследовать.

Все эти обстоятельства заставили Ф. Афанасьева после полугодового пребывания оставить Ригу и в конце 1900 или в начале 1901 г. переехать снова в Иваново-Вознесенский промышленный район, на этот раз в город Шую.

В Шуе он поступил рабочим на одну из местных фабрик[28] и снова занялся революционной пропагандой среди местных рабочих. Однако, по словам Балашова, он не имел здесь в первое время такого успеха, как в других местах.

Причиной этого было то обстоятельство, что шуйские рабочие в большинстве были тесно связаны с землей, не обладали поэтому чисто-пролетарской психологией, были темны и невежественны и находились всецело в зависимости у фабрикантов.

VII.

1903 год. — Между Шуей и Иваново-Вознесенском. — Маевка на Сластихе. — Корреспонденция Федора Афанасьева в „Листовке Северного Комитета". — Обыск и арест в Шуе. — Обвинение Ф. Афанасьева в принадлежности к Ивановской социал-демократической группе.—Переход к массовому движению.—Массовка на Сластихе в июне 1904 г.—Столкновение с казаками.—Арест и освобождение Ф. Афанасьева.—Окончательный переезд его в Иваново-Вознесенск.

1903-й год был временем значительного оживления в общерусском рабочем движении. Волна экономических забастовок прокатилась по всему югу России, причем рабочие выдвигали и политические лозунги, вырабатывавшиеся комитетами социал-демократической рабочей партии.

Большую роль в развитии революционного движения сыграл собравшийся летом 1903 года в Лондоне II-й с'езд Российской Социал-демократической Рабочей Партии, на котором была утверждена партийная программа и принят ряд постановлений по организационным вопросам и вопросам партийной тактики.

Это оживление рабочего движения сказалось и в Иваново-Вознесенском районе. И здесь постепенно агитация и пропаганда стала принимать массовый и планомерный характер.

С этого года Ф. Афанасьев стал часто наезжать из Шуи в соседний Иваново-Вознесенск, завязав сношения с местными революционными кружками.

Около этого времени политическая жизнь здесь, несмотря на несколько «провалов» партийных работников, значительно оживилась.

Начиная с весны 1903 года, стали вновь организоваться кружки и даже устраиваться массовые собрания. Во главе организации стала так называемая Иваново-Вознесенская «Группа Северного Комитета Р. С. Д. Р. П.», входившая в состав «Северного Рабочего Союза», политической организации, об'единившей политические кружки Ярославля, Костромы, Иваново-Вознесенска и соседних, менее крупных, рабочих центров.

Федор Афанасьев также примкнул к Ив.-Вознесенской группе, получал от нее нелегальную литературу для распространения в Шуе и Кохме. В нелегальной листовке «Северного Комитета Р. С. Д. Р. П.», № 1-ый, его перу принадлежит «Письмо рабочего» за подписью «Ткач», которое прочитано было в Иваново-Вознесенске на сходке в квартире Козлова, 11 октября 1903 года. Корреспонденция эта описывала тяжелое положение ткачей в Шуе.

В то же время Ф. Афанасьев стремился образовать в Шуе самостоятельную шуйскую группу, в которую должны были войти И. Таранин, И. Иванов, В. Царьков, С. Лебедев и др.

Полиция, давно уже выследившая ивановскую группу, решила приступить к ее «ликвидации». 10 ноября 1903 г. в Иваново-Вознесенске был произведен ряд обысков и арестов, причем арестованы были также интеллигенты-профессионалы А. Андреев и А. В. Шотман.

Обыски и аресты продолжались и в следующие дни, не только в Иванове, но и в Шуе, так как была прослежена революционная связь последней с Иваново-Вознесенском.

12 ноября в Шуе был произведен обыск у Вас. Царькова и у Ф. Афанасьева, причем у него отобрали несколько книг по рабочему вопросу и шифрованную цифрами записку[30]. Значение этой записки Ф. Афанасьев об'яснить отказался. Спустя три дня, он был арестован, а 23 ноября был переведен в Шуйскую уездную тюрьму.

Ф. Афанасьеву было пред'явлено обвинение в том, что он «поддерживал преступную связь с группой Российской Социал-Демократической Партии и через посредство Андреева получал нелегальную литературу, в интересах пропаганды для г. Шуи». Ф. Афанасьев виновным себя, однако, не признавал и вообще, так же как и в деле Бруснева, держался тактики полного отрицания.

Сидя в заключении, Ф. Афанасьев 31 декабря 1903 г. подал прошение в Иваново-Вознесенское жандармское управление о разрешении ему пользоваться в камере чернилами и бумагой[31]. 4 января 1904 г. жена его друга С. Балашова, Елизавета Сергеевна, переслала для Афанасьева из Иваново-Вознесенска несколько его книг, а именно: арифметику и физику Малинина, геометрию Павленкова, один том сочинений Писарева, роман «Ругон-Макары» Э. Золя, «Избранные мысли» Джона Рескина и 19 №№-ов «Журнала для всех».

Однако 10 января Ф. Афанасьев был уже освобожден из тюрьмы, просидев в ней около двух месяцев, и, впредь до окончания дознания о социал-демократической организации, должен был жить под надзором шуйского уездного исправника.

Дознание это окончилось только 23 февраля 1905 г., причем в отношении Ф. Афанасьева прекращено за недостатком против него улик[32].

С наступлением весны 1904 г. работа Иваново-Вознесенской социал-демократической группы значительно расширилась. Незачем было собираться в конспиративных квартирах по 5—10 человек, чутко прислушиваясь, как ветер стучит ставнями и вьюга заунывно завывает в трубе.

Чаща леса оберегала рабочие сходки от постороннего глаза и давала возможность собирать более значительные по количеству пропагандистские кружки, а также устраивать общие массовки, которые так развивающе действовали на сознание участников.

Сходки рабочих в лесу стали все учащаться и учащаться. Особенно часто стали собираться в излюбленном рабочими месте в лесу, за Сластихой. У моста, который ведет через Уводь к лесу, построена водяная мельница и разведены огороды. Мельник и огородники были тогда народом консервативным.

Они обратили внимание на частые сходки рабочих и стали всячески ругать «крамольников». С каждым днем их выходки по отношению к рабочим становились все более и более дерзкими. Доходило до того, что они пытались разгонять массовки.

Рабочие предчувствовали, что столкновение с ними неминуемо. И действительно, 13-го июня разыгралось кровавое столкновение.

10 июня 1904 г. Ф. Афанасьев приехал из Шуи в Иваново-Вознесенск, для участия в большой массовке, назначенной на этот день в лесу, за мельницей «Сластихой». Об этой массовке ивановские рабочие были широко оповещены заранее, так как на нее ожидали представителей с севера[33].

В ясный, солнечный день 13 июня, в лесу за Сластихой, собралось несколько сот человек рабочих, между которыми был и Ф. Афанасьев. Чтобы встретить северных товарищей, с массовки на вокзал отправилось несколько человек рабочих, между которыми были Р. Семенчиков и В. Голубев. Итти им нужно было по мосту через Уводь, мимо самой мельницы Сластихи.

Между Голубевым и кучкой прохожих завязалась случайная перебранка, перешедшая затем в ссору и драку, причем за Голубева вступились шедшие с ним товарищи, а за прохожих работавшие поблизости огородники, сам владелец мельницы, и плотники и землекопы, производившие на ней ремонтные работы.

Огородники вмешались в дело потому, что они вообще недолюбливали сознательных рабочих по своей политической отсталости. В результате Семенчиков и другие были избиты.

Около часу дня рабочие, ожидавшие на массовке посланных на вокзал товарищей, узнали об инциденте с огородниками. Рабочие заволновались, решили отомстить виновным и большой толпою с пением революционных песен двинулись на Сластиху. Здесь они разнесли избы огородников, их самих избили, а некоторых даже побросали в реку Уводь, где им невольно пришлось искупаться.

Вскоре на место происшествия прибыли казаки, присланные полицеймейстером.

Рабочие решили обороняться, вооружились кольями и чем попало и удалились в лес в ожидании «бани».

Казаки бросились в лес на толпу рабочих, пустивши в ход шашки и нагайки. Произошла форменная схватка, причем, конечно, победили казаки и арестовали тех из рабочих, кто не успел скрыться. В числе арестованных были К. Кирякин, В. Голубев, Р. Семенчиков, С. и Е. Балашовы и др.

Ф. Афанасьева в числе арестованных не было, он успел скрыться, но на другой день, 14 июня, в Иваново-Вознесенске

был произведен ряд обысков. Между прочим, была обыскана и квартира Балашовых на Московской улице в доме Жеребцова. Полицейский, делавший этот обыск, застал там Ф. Афанасьева, который на вопрос полицейского,—что он здесь делает, отвечал «сбивчиво» и был задержан.

Однако под арестом он пробыл на этот раз всего один день и уже 16 июня «за отсутствием улик» был освобожден[34].

В описываемое время Ф. Афанасьев очень часто ездил из Шуи в Иваново и наоборот. Жандармами были замечены эти частые поездки и потому за ним был снова установлен с 26 июня 1904 года «особый надзор», снятый только 23 февраля 1905 г. с прекращением дознания по делу о социал-демократической организации.

Шуйская организация Р. С. Д. Р. П. окончательно сложилась в конце 1904 г., на организационном собрании по 2-ой Нагорной улице, около дома Личаева. На собрании присутствовали И. Булгаков, Н. Гусев, П. Гусев, Прохоров и др., причем Ф. Афанасьев и Булгаков были в то время ответственными организаторами[35].

Вскоре после этого, в начале 1905 года Федор Афанасьев окончательно покинул Шую и переехал на постоянное жительство в Иваново-Вознесенск.

VIII.

Ф. Афанасьев в 1905 г.—Профессионал-революционер.—Избрание его секретарем с.-д. организации.—Иваново-Вознесенская забастовка 1905 г.—Роль в ней Ф. Афанасьева.—Он член Совета Рабочих депутатов.—Работа Ф. Афанасьева по нелегальной типографии.

В Иваново-Вознесенске Федор Афанасьев поселился на Павловской улице, в небольшой, в одну комнату, квартирке, которую занимал вместе с своим закадычным другом С. И. Балашовым.

В этой квартирке сосредоточивался тогда весь центр местной социал-демократической организации, отсюда исходило все руководство партийной работой в городе, сосредоточивался весь мозг партийной организации[35].

В Иваново-Вознесенске Ф. Афанасьев на фабрику уже не поступал, став профессионалом-революционером.

Причиной этого оставления работы в качестве ткача отчасти был его сравнительно пожилой возраст,—ему уже было 45 лет, отчасти усилившаяся близорукость и вообще слабость зрения, препятствовавшая заниматься ткачеством, но главным образом желание всецело посвятить себя революционной деятельности ввиду общего под'ема революционного настроения.

Он был избран секретарем Иваново-Вознесенской партийной организации, исполняя в то же время обязанности библиотекаря и поставщика всех материалов для нелегальной типографии. Так как личного заработка он в это время не имел, то организация стала выдавать ему на содержание по 12 рублей в месяц[36].

Это был знаменитый в истории революционного движения 1905-ый год. События развивались быстрым темпом. По России прокатилась волна стачек уже после кровавых событий 9 января в Петербурге, а Иваново-Вознесенск все еще молчал.

Рабочие продолжали работать, но преобладающей темой их разговоров была уже стачка, почва для которой быстро созревала. Вопрос о ней обсуждался неоднократно и на партийных собраниях.

Наконец, 11 мая 1905 г. Ивановской Группой Северного Комитета было созвано в лесу собрание фабричных и заводских представителей от каждого предприятия, на котором были заслушаны доклады о настроении рабочих.

Стало ясно, что почва для забастовки вполне готова, и решено было на другой же день ее начать.

Утром 12 мая все фабрики и заводы были в ходу, но около полудня рабочие фабрики Бакулина бросили работу и вышли за ворота, к ним стали присоединяться рабочие других фабрик, и через несколько часов громадная толпа забастовавших рабочих двинулась на главную городскую площадь, к Городской Управе.

Здесь после краткой речи одного из товарищей, было решено немедленно разойтись по домам с тем, чтобы на другой день снова собраться тут же, к 10 часам утра.

Но уже вечером того же дня многотысячная толпа рабочих направилась на речку Талку, и здесь, разбившись по фабрикам, рабочие выбрали около ста десяти своих уполномоченных, главным образом, членов с.-д. организации. Так обра-

зовалось единое рабочее представительство, руководившее забастовкой, ведя переговоры от имени всех бастующих с представителями хозяев и государственной власти. Это был так называемый Совет Рабочих Депутатов г. Иваново-Вознесенска,—первый в России совет рабочих депутатов, послуживший прототипом Петербургского и Московского Советов 1905 г. и пролетарского правительства, организованного 25 октября 1917 года[37].

Одним из наиболее деятельных и популярных членов этого совета рабочих депутатов сделался и Ф. Афанасьев.

13 мая, с девяти часов утра из всех рабочих кварталов города густыми толпами потянулись бастующие рабочие на главную городскую площадь. В центре площади сгруппировалась вся социал-демократическая организация, окруженная тесною живою стеной рабочих.

Полиция и казаки разместились в задних рядах собравшихся и вели себя спокойно. Все лавки и магазины были закрыты.

На площади было уже тесно, а рабочие все продолжали прибывать, но не слышно было никакого шума.

Около одинадцати часов один из товарищей принес стол или табуретку и поставил в центре группы с.-д. организации. На эту импровизированную трибуну поднялся тов. Е. Дунаев. Мгновенно наступила абсолютная тишина. Взоры всех обратились на Дунаева.

Осмотрев громадную толпу и помолчав несколько секунд, он произнес небольшую речь: «Напрасно эти люди закрыли свои лавки и магазины,—говорил он, между прочим,—мы не воры, не грабители, не жулики какие-нибудь, а честные рабочие-труженики, никогда не жившие на чужой счет или чужим трудом, но всю жизнь свою мы содержим своим собственным трудом множество всяких эксплоататоров и дармоедов, праздных бездельников. Поэтому пусть эти закрывшие лавки и магазины люди не меряют нас на свой аршин; пусть они знают, что честные труженики-рабочие совсем не то, что они».

Дальше он говорил о необходимости бороться за осуществление требований, которые рабочие пред'явили фабрикантам и заводчикам, до тех пор, пока они не будут удовлетворены.

Когда он кончил, в толпе пронесся гул одобрения, а лавки и магазины стали открываться. После этого, по инициативе с.-д. организации, были произведены на площади сборы в пользу бастующих. Вслед за Дунаевым выступали другие ораторы. Только к вечеру собрание разошлось с тем, чтобы на другой день собраться снова.

На другой и следующие дни, собрания на площади возобновлялись, причем к бастующим заводам текстильных фабрик и механических заводов присоединялись все новые группы рабочих из мелких мастерских.

Через некоторое время власти предложили бастующим устраивать собрания за городом, а на площади их прекратить, чтобы не нарушать уличного движения. С этого момента собрания были перенесены на окраину города, на поляну близь речки Талки, у опушки леса.

Ежедневно происходили заседания избранного совета рабочих депутатов, причем на первом из них были рассмотрены и утверждены политические и экономические требования рабочих.

В числе политических требований были созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, свобода устного и печатного слова, свобода союзов, стачек, собраний, неприкосновенность личности и жилища всех граждан России и т. д.

Экономическими же требованиями были: установление восьмичасового рабочего дня, повышение заработной платы и установление ее минимума в 20 рублей в месяц; квартирная плата, улучшение санитарных условий и т. д.

Все эти требования были отпечатаны особой листовкой на гектографе с.-д. организация, причем наверху был помещен заголовок: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Иваново-Вознесенский Комитет», и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Требования эти были пред'явлены фабричной администрации.

С самого возникновения Совета, власти вступили с ним в сношения по разным, относящимся к стачке вопросам и, тем самым, фактически признали в нем орган законного представительства бастующих рабочих.

Так как Совет был по своему составу чисто рабочим и пользовался поэтому полным доверием рабочих, последние обращались к нему не только по делам, непосредственно связанным с забастовкою, но и по чисто бытовым вопросам своей жизни, как к признанному ими органу власти.

Совету, таким образом, приходилось разрешать вопросы бытового и юридического характера в области гражданских правоотношений, напр., в области семейных отношений и положения женщины в семье, и споров между родителями и детьми.

Совет исполнял и функции административной власти, с ним считались и сами фабриканты по вопросам чисто техническохозяйственного характера. Напр., требовалось перемещение какого-либо товара, во избежание порчи, из одного помещения в другое, и хозяева через своих служащих обращались за разрешением в Совет.

Политическая роль Совета заключалась в том, что он всеми мерами содействовал политическому просвещению рабочих и развитию в них классового самосознания, каковую работу вела одновременно партийная социал-демократическая организация большевиков.

В первые дни собрания Совета происходили в здании мещанской управы, и полиция им не мешала. Потом ею было пред'явлено требование представлять протоколы собраний для просмотра.

Совет категорически отклонил это требование. После этого собрания в помещении мещанской управы были запрещены, и Совет перенес их на Талку, где ежедневно устраивались собрания всех бастующих рабочих.

Общие собрания на Талке происходили ежедневно с десяти часов утра; часов с девяти у лесной сторожки собирался пленум Совета рабочих депутатов, на котором обсуждались все вопросы по руководству стачкой, а также вырабатывался порядок для общего собрания бастующих.

К концу пленума собиралось на Талку несколько тысяч бастующих. Тогда пленум закрывался, все депутаты шли к трибуне и собрание открывалось речью кого-нибудь из партийных работников на экономическую или политическую тему.

За первым оратором выступали второй, третий и т. д. до тех пор, пока слушатели не утомлялись. Тогда пелись революционные песни, и собрание расходилось.

Власти не могли не заметить, что на Талке велась регулярно антиправительственная агитация, и решили положить ей конец. 2-го июня, через три недели после начала стачки, всюду было расклеено постановление Владимирского губернатора, которым собрания рабочих на Талке категорически воспрещались, с угрозой в случае неподчинения применить вооруженную силу.

Было устроено конспиративное заседание Совета, на котором было решено, несмотря на это запрещение, собираться в обычное время на Талке.

И вот утром 3-го июня, часов около 11, у опушки леса, близ лесной сторожки собралось около трех тысяч человек. Все сидели на земле и ждали открытия собрания.

Вдруг появились казаки. Большой отряд с полицеймейстером Кожеловским во главе показался со стороны железнодорожной станции и быстро двигался к месту собрания.

Собравшиеся продолжали спокойно сидеть, зорко наблюдая за движениями казаков. Вот казаки уже под'ехали к небольшому мостику, перекинутому через Талку. После минутной осановки у мостика они быстро двинулись прямо на собравшихся, густой цепью, во главе с Кожеловским.

Минутная остановка, и Кожеловский три раза без малейших промежутков крикнул: «Расходись! Расходись! Расходись!» В этот же момент скомандовал:—Казаки, вперед!—и сам первый ринулся на толпу. За ним, пришпорив лошадей, с криком и гиканьем устремились казаки.

Толпа уже была на ногах и стала отступать, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее и, наконец, лавиной двинулась в лес по разным направлениям. Большая часть двинулась к линии железной дороги. Депутаты пробовали остановить этот стихийный поток, так как в лесу конным казакам трудно было бы справиться с толпой, а громадная толпа пеших могла не без успеха сопротивляться. Но дикий вой, ругательства и гиканье пьяных казаков производили свое действие. В скором времени в отступающих было дано несколько залпов из винтовок. После этого отступление приняло панический характер.

Вечером, в тот же день, в пригороде Ямах загорелась ситцевая фабрика Гандуриных и лесной склад Ивана Гарелина, в городе было разгромлено несколько винных лавок, испорчено много телефонных и телеграфных проводов, столбы валялись повсюду на улицах.

А толпы озлобленных рабочих ходили по улицам и во многих местах избивали попадающихся им полицейских, рассыпая угрозы и ругательства по адресу виновников зверской расправы.

В тот же день было арестовано около 50 человек, в том числе многие депутаты Совета.

На другой день, 4 июня, на конспиративном заседании Совета выяснилось, что казакам, стрелявшим накануне в рабочих, было отдано распоряжение стрелять только в ноги. Поэтому убитых не было, а были только раненые.

По делу 3 июня властями было произведено расследование, полицеймейстер Кожеловский был удален, а бастующим были воспрещены всякие скопления. Через две недели, однако, это запрещение было снято, и рабочие попрежнему стали собираться на Талке.

Около этого времени Группа Северного Комитета была переименована в Иваново-Вознесенский Комитет Р. С.-Д. Р. П. В него вошли Морковкин, Дунаев, Ф. Афанасьев, М. Фрунзе, С. Балашов, Мандельштам и др.

Между тем фабриканты не шли на уступки, а материальная нужда бастующих становилась все острей и острее. Поэтому Совет решил устроить 23 июня на площади перед Городской Управой демонстративное собрание бастующих с требованием хлеба, работы и человеческих условий жизни.

На площадь бастующие пришли в количестве нескольких тысяч человек и тотчас же были окружены казаками, за которыми, для защиты рабочих в случае нападения казаков, незаметно расположилась боевая дружина с.-д. организации.

Один из руководителей собравшихся дал знак садиться и вся масса рабочих села на камни мостовой. После этого поднялся т. Е. Дунаев и с большим под'емом произнес краткую речь, в которой говорил, между прочим: «Мы не можем дальше вести себя спокойно, видя, как голодают наши дети, в то время как виновники этого голода, наши хозяева, вла-

дельцы предприятий, будучи сытыми, не хотят пойти на облегчение наших страданий. Мы больше не можем терпеть этого издевательства. Работы! Хлеба! Хлеба или свинца!»

В ответ на эту речь отовсюду послышались крики одобрения и ругательства по адресу хозяев. После этого вышел Владимирский губернатор и заявил, что, хотя он и не в праве заставить хозяев пойти на уступки, но все же сделает в этом направлении все, от него зависящее. Затем он предложил рабочим немедленно разойтись, чтобы не мешать уличному движению.

После этого толпа двинулась на Шереметевскую улицу на Ямах. Здесь демонстранты развернули красное знамя и с пением революционных песен двинулись на Талку.

В этот же день Совет рабочих депутатов на Талке решил обратиться к губернатору с заявлением, что он более не в состоянии сдерживать голодную бастующую массу и потому слагает с себя всякую ответственность за могущие произойти эксцессы.

После этого начались погромы магазинов и лавок, причем растаскивались, главным образом, с'естные припасы.

Между тем уже становилось ясно, что добиться у фабрикантов удовлетворения всех требований рабочих невозможно и что придется удовольствоваться небольшими уступками, на которые пошли тем временем фабриканты во главе с Грязновым. Поэтому около 25 июля Совет, учитывая, что в политическом отношении завоевания стачки достаточны, постановил приступить к работе на фабриках, что и было сделано 27 июля.

После этого Совет больше уже не собирался, хотя отдельные его депутаты и в последующее время часто служили представителями рабочих при возникавших конфликтах.

Экономические завоевания стачки были: небольшое повышение заработной платы, улучшение санитарных условий, отмена обысков, уплата на некоторых фабриках части жалованья за время забастовки и пр.

Ф. Афанасьев деятельно работал во все время этой грандиозной забастовки. Однако, в воспоминаниях очевидцев стачки редко встречается его имя. Но это и неудивительно. Ему некогда было произносить агитационные речи на Талке, да и

по свойствам своего дарования он не был агитатором. Он был занят как секретарь Комитета, массу времени отнимала у него и нелегальная типография, для которой Ф. Афанасьев должен был доставлять все материалы, и которая в это время выпускала ежедневные листовки и бюллетени стачки.

«Невидной, неяркой была деятельность «Отца»,—говорит один из очевидцев описываемого времени, т. Мандельштам,—он не был агитатором, но зато вся черная работа партийной организации, Совета, вся она легла на плечи «Отца». На всех нас производил огромное впечатление этот скромный человек, который за всю долгую революционную деятельность мог многим похвалиться и порассказать. Но он первый был бы удивлен, если кто-нибудь его назвал бы героем. А на это он имел бы права больше, чем кто-нибудь другой»[38].

IX.

Октябрьские дни 1905 г. в Иваново-Вознесенске.—Митинг 20 октября под председательством Ф. Афанасьева. — Митинг протеста и демонстрация 22 октября.—Вечернее столкновение с черносотенцами и казаками на р. Талке.—Смерть Ф. Афанасьева.

Наступили октябрьские дни 1905 года. 17 октября был издан пресловутый царский манифест, в котором царь оповещал своих подданных о «неслыханной смуте» в стране, о «даровании им населению гражданских свобод», о созыве «доверием народа облеченных» народных представителей и пр. Настроение в Иваново-Вознесенске было приподнято—радостное.

Местный Иваново-Вознесенский Комитет Р. С. Д. Р. П., приноравляясь к жизни города, решил устроить большой митинг в первый же праздник—день Казанской, 22 октября. Но уже 20-го, в четверг вечером, собрался большой митинг на углу Панской улицы, перед так называемым клубом «господ приказчиков».

На нем присутствовало несколько тысяч рабочих и прочих граждан. Над собравшимися развевались красные знамена, а зажженный у входа в клуб фонарь был обернут в красную материю. Настроение было торжественно-праздничное.

Председателем этого митинга был избран Ф. Афанасьев, старейший член местной социал-демократической партии. От-

крывая собрание, он с дрожью в голосе сказал, что затрудняется выразить словами радостные чувства, которые он переживает, будучи удостоен великой чести быть председателем первого свободного митинга свободных граждан.

Сколько лет он и ему подобные передовые рабочие мечтали об этой свободе, сколько их, борясь за нее, погибло. Десятки лет он ждал этого счастливого момента, и, наконец, дождался на старости лет.

Ф. Афанасьев, видимо, думал, что революция окончательно победила и, как и многие тогда, не мог предвидеть тех ужасных событий, которые скоро доказали, что этот счастливый момент еще не наступил.

После него говорил Павел Павлович (И. П. Попов), партийный интеллигент-профессионал, а затем выступали и другие. Появились было казаки, но по требованию толпы были удалены полицеймейстером, и митинг закончился благополучно.

На другой день в городе чувствовалось оживление, по городу происходили шествия с красными знаменами, факелами, песнями и речами.

Партийный комитет об'явил, что 22 октября утром на площади перед Городской Управой состоится большой митинг протеста против половинчатости уступок народу, сделанных в царском манифесте.

На место митинга со всех концов города стали стекаться отдельные толпы рабочих с красными знаменами, между которыми выделялось по своей величине одно—черное—с надписью: «Слава борцам, павшим за свободу».

Перед открытием митинга состоялось заседание партийного комитета, на котором были намечены ораторы, и распределены между ними темы речей. Митинг был открыт около 12 часов, при громадном стечении народа. Выступали С. Балашов, Мандельштам и другие.

Первый из ораторов выяснил неполноту и неясность манифеста 17 октября, приглашая рабочих не складывать оружия и бороться за республику до конца. Он коснулся и подозрительной деятельности черной сотни, указав на лавочников и раклистов, как ее представителей. Одним из последующих ораторов был и Ф. Афанасьев. Он напомнил собравшимся о заключенных в местной тюрьме и полицейских участках. Толпа потребовала их освобождения[39].

Вскоре после этого на трибуну взошел вышедший из Городской Управы помощник полицейского надзирателя Добротворский. Он прочитал собранию телеграмму губернатора об освобождении заключенных, но вместе с тем заявил, что никакие беспорядки полицией допущены не будут, и в заключение предложил собравшимся покинуть площадь и перенести собрание на Талку.

Так как было уже около трех часов дня и официальная часть митинга была закончена, народ уступил требованию полиции и всей массой со знаменами и революционными песнями направился через Приказный мост к так называемой «красной» тюрьме.

Перед нею стоял взвод солдат с ружьями на перевес. Вышедшие надзиратели об'явили, чтобы толпа вела себя спокойно. Вслед затем был освобожден из тюрьмы один партийный товарищ.

После этого народ двинулся по Соковской улице к Соковскому мосту в пригород Ямы, чтобы добиться освобождения политических заключенных и из ямской тюрьмы. Едва первые ряды достигли церкви Александра Невского, как с Михайловской улицы выехали казаки и потребовали разойтись, но толпа не послушала их и продолжала итти дальше.

В осеннее время ямские улицы были покрыты непролазной грязью, и потому значительная часть участников митинга отстала и разошлась, и на улицу, где находилась тюрьма, пришло всего несколько сот человек, главным образом, членов с.-д. организации.

На некотором расстоянии от тюрьмы дорогу преградил отряд казаков, выстроившись в шеренгу. Для переговоров с ними со стороны демонстрантов пошли Павел Павлович и Ф. Афанасьев. Переговоры продолжались минут 30—40 и не привели ни к какому результату.

На требование освободить политических заключенных казаки заявили, что таких здесь нет, если же толпа им не поверит и будет настаивать, то казаки прибегнут к оружию. Пришлось уступить .

После этого все решили итти на Талку, но по пути туда, на Шереметевской улице, встретили манифестацию черносотенцев, которая двигалась от центра города к вокзалу. Мани-

фестация эта состояла из разношерстной толпы, человек до ста, оглушительно ревевшей и кричавшей «ура». Впереди несли портрет Николая II, а сзади на расстоянии нескольких шагов двигался отряд вооруженных казаков.

Увидев красные знамена, черносотенцы потребовали от революционеров убрать их, и так как те медлили это сделать, черносотенцы вместе с казаками бросились на них. В результате часть красных демонстрантов разбежалась, некоторые из них получили удары кулаками и нагайками, черное знамя было отнято, а другие знамена пришлось свернуть. На Талку пришло всего несколько десятков человек, исключительно членов с.-д. организации, подавленных и расстроенных всем происшедшим. Ф. Афанасьев упрекал дорогой товарищей за то, что они без боя отдали рабочее знамя .

Время было уже под вечер. Вдруг со стороны станции, быстро двигаясь прямо к Талке, показалась толпа черносотенцев, с отрядом казаков в арьергарде. Увидав их, революционеры быстро перешли Талку по узенькому мостику и сгруппировались на другом берегу, у лесной сторожки: все были взволнованы, некоторые, будучи вооружены, хотели стрелять, но были удержаны Ф. Афанасьевым.

Между тем черносотенцы и казаки остановились на противоположной стороне, как раз против мостика, и предложили прислать кого-нибудь для переговоров с ними. К ним направились Павел Павлович и Ф. Афанасьев, быстро перешедшие мостик.

Но переговоров вести им не пришлось, на них сейчас же набросились черносотенцы и с дикими криками начали их избивать. Била только толпа, а казаки, выстроившись в полукруг, одобрительно покрикивали.

Через несколько минут Павел Павлович, воспользовавшись передышкой погромщиков, быстро перебежал обратно через мостик и был принят на руки товарищами, а «Отец» не мог уже подняться с земли и только приподнял голову.

Черносотенцы вторично набросились и добили его. Вслед за этим казаки повернули лошадей и двинулись обратно по направлению к станции, а вслед за ними скрылась и вся толпа черносотенцев.

«Это был очень тяжелый момент,—рассказывает один из очевидцев—Ф. Н. Самойлов.

Стоя на противоположном берегу от места избиения товарищей, мы чувствовали непредолимое желание кинуться им на помощь. Но в то же время было совершенно очевидным наше бессилие против вооруженного отряда казаков.

У нас было всего два-три револьвера, из которых при том расстоянии, которое отделяло нас от казаков, невозможно было попасть; в то же время казаки из винтовок без промаха могли перестрелять нас всех.

Невыносимо мучила кипевшая в нас злоба; в особенности сильно волновался М. В. Фрунзе. Он все время, держась за рукоятку револьвера, покушался кинуться к мостику, чтобы подоспеть на помощь товарищам.

Но все считали это безумием и, преградив ему дорогу, всеми силами удерживали от этого шага, который послужил бы непременно лишь причиной новых тяжелых потерь.

У Павла Павловича была сильно разбита голова, и он был весь окровавлен. А «Отца» подняли уже мертвым. Когда его принесли к сторожке, выяснилось, что у него тупым орудием была пробита голова.

Павлу Павловичу была оказана медицинская помощь фельдшером ближайшей фабрики Витовых, а труп «Отца» был отнесен товарищами в лес, и при нем оставлена стража»[40].

X.

Две недели без погребения.—Черносотенный погром.—Первый красный гроб в Иваново-Вознесенске.—Могила в лесу на берегу реки Талки.—Открытие могилы Ф. Афанасьева полицией.—Вторые похороны.

Следующий день после убийства Ф. Афанасьева, 23 октября, был воскресный. Партийная организация решила в этот нерабочий день устроить торжественные похороны «Отца». Но не только не пришлось сделать торжественных похорон, а и простые похороны отсрочились на целых две недели.

Черносотенцы не дремали. Как раз 23 октября состоялось на площади перед Городской Управой большое, устроенное ими, собрание.

Вынесены были царские портреты, хоругви и трехцветные флаги, толпа украсилась белыми бантами, был отслужен мо-

лебен, произносились погромные речи, а после этого монархисты, разделившись на несколько погромных шаек, двинулись под прикрытием казаков и полиции по разным направлениям, избивая по пути депутатов Совета, евреев, забастовщиков и всех тех, кто только заподазривался в сочувствии к ним.

Летели стекла в «жидовских» магазинах, трещали рамы, выбрасывались товары, мебель, утварь. Обитатели громимых домов большею частью успевали бежать, а не успевшие скрыться избивались озверевшими черносотенцами.

Шайки погромщиков состояли, по преимуществу, из ломовых извозчиков, мелких лавочников, всякого рода босяцкого отребья, мелких воров и жуликов и лишь некоторого, очень незначительного, процента самых отсталых и невежественных рабочих, да части наиболее материально обезпеченного фабрично-заводского элемента, мастеровых и низших лиц фабричной администрации.

Для партийной организации, усыпленной манифестом 17 октября, погром был, по словам Ф. Н. Самойлова, большой неожиданностью, и в первое время большинство сознательных рабочих совершенно растерялось и не смогло оказать погромщикам почти никакого сопротивления, тем более, что последних почти везде сопровождали казаки.

Понятно, что при таких условиях нечего было и думать об устройстве торжественных похорон Ф. Афанасьева, и партийной организацией решено было скрыть его тело до времени в надежном месте.

В первый день погром продолжался до вечера, причем была разгромлена квартира бывшего председателя Иваново-Вознесенского Совета, А. Ноздрина, убит рабочий Красильников, зверски избит т. В. Морозов и избито много других партийных работников и лиц, подозреваемых в сочувствии к их работе.

В понедельник погром возобновился с новой силой. Большая часть фабрик была остановлена погромщиками, избивались оказавшиеся на них депутаты и сочувствующие им.

И только на третий день, 25 октября, погром стих, массовых нападений уже не было, «красные» стали оправляться от неожиданно нанесенного им удара и начали собираться в пригородной Боголюбовской слободе.

Между тем полиция, подозревая намерение революционеров—устроить из похорон Афанасьева антиправительствен-

ную демонстрацию, старалась открыть место, где было скрыто его тело, но это ей не удавалось до тех пор, пока в ночь с 5 на 6-ое ноября тело Ф. Афанасьева было принесено революционерами на реку Талку и похоронено в лесу.

Вот как об этом рассказывают участвовавшие в похоронах Ф. Н. Самойлов и В. П. Кузнецов: «Красный гроб с телом Афанасьева был принесен к лесной сторожке, на берег реки Талки, к той самой сторожке, близь которой летом 1905 г. в течение 2½ месяцев ежедневно собирались многотысячные митинги бастующих рабочих.

Могила «Отца» была вырыта как раз около того места, откуда 3 июня 1905 года казаки во главе с полицеймейстером Кожеловским стреляли в собрание бастующих рабочих.

На этих похоронах присутствовало несколько десятков товарищей. На могиле говорил т. С. Балашов. Он кратко изложил биографию погибшего и закончил свою речь следующими словами:

«Врученное нам «Отцом»—Афанасьевым красное знамя мы понесем дальше, поднимем его еще выше, еще смелее! Смерть Ф. Афанасьева послужит нам уроком и призывом отомстить его убийцам-палачам при первой возможности. Мы не забудем отомстить».

Он заплакал, и кончил. У могилы все некоторое время молчали—слезы и злоба мести кипела в сердцах товарищей.

Потом говорили другие. После речей спели похоронный марш и «вечную память» и без всяких препятствий со стороны прозевавшей полиции разошлись.

Очевидно, эти похороны были выслежены полицией, потому что на другой день, 6 ноября, около 2-х часов дня, на место погребения отправился полицейский надзиратель Назаретский с приказанием вырыть труп Ф. Афанасьева.

«Отправился на Талку,—рассказывал мне сам Назаретский.—Было дано полсотни казаков. Могилу разрыли. Оказалось: красный гроб с золотыми кистями. Гроб извлекли. Открыли, крышка не была заколочена гвоздями. Зарыт гроб не глубже двух аршин.

Раскрыли: Ф. Афанасьев лежал в одежде, в которой ходил:—черная блуза, черные брюки и сапоги. Нога одна была согнута или подвернута в колене.

Все лицо было покрыто красным флагом или платком. Покрыли крышкой и отправили в больницу чернорабочих на ломовом извозчике. Был составлен акт.

Я был за главного. Репрессий не было и рабочих вокруг никого не было».

На следующий день, 7 ноября, судебный следователь 3-го участка Шуйского уезда, которому, по словам Назаретского, было поручено расследовать дело об убийстве Ф. Афанасьева, производил судебно-медицинский осмотр его тела.

После осмотра тело было положено в простой деревянный гроб и отправлено для погребения на Новое Бурылинское кладбище.

Эти вторые полицейские похороны, по выражению Назаретского, прошли «честь честью». Ф. Афанасьев был похоронен на левой стороне от кладбищенской церкви, где могила его сохранилась и до настоящего времени.

XI.

Общая характеристика личности Ф. Афанасьева. — Отзывы о нем К. М. Норинского, В. В. Святловского, Мандельштама-Одиссея и М. В. Фрунзе.

Федор Афанасьевич Афанасьев является крупной и колоритной фигурой в истории русского рабочего и революционного движения. Из его биографии видно, что вся жизнь его была проникнута глубокой верой и преданностью идее освобождения рабочего класса.

Петербург, Москва, Рига, Одесса, Иваново-Вознесенск и другие большие промышленные центры были свидетелями его неустанной и энергичной, почти 20-летней революционной работы. Это был один из тех грозных «буревестников» русской пролетарской революции, о которых так хорошо написал в свое время Максим Горький свою пророческую «Песнь о буревестнике».

Неудивительно поэтому, что так восторженно звучат отзывы о Ф. Афанасьеве всех тех, кто встречался с ним в разные периоды его долгой и тяжелой, истинно-подвижнической жизни рабочего-революционера.

Все эти отзывы, принадлежат ли они рабочим или интеллигентам, проникнуты глубоким уважением к литой, как из одного куска стали, личности красного ткача, который даже в могиле причинял безпокойство врагам рабочего класса.

«Производил он на каждого хорошее впечатление,—пишет рабочий К. Норинский, встречавшийся с Ф. Афанасьевым в 90-х годах в Петербурге.—В неискренности, когда он говорил что либо, заподозрить его никому не думалось.

Это был вполне определившийся товарищ. Верой в дело рабочего класса он напоминал апостола.

Кто его раз видел, тот убеждался, что видит настоящего защитника интересов трудящегося класса. Его можно было заставить, но убедить в противном—напрасная трата времени» [41].

«Это был человек редкой душевной красоты и глубокого убеждения,—говорит профессор В. В. Святловский, в те же годы познакомившийся с Ф. Афанасьевым. — К нему влекло рабочих не только как к вождю, но и как к учителю жизни.

И, действительно, было что-то учительное во всей его фигуре, в прекрасных и ясных глазах, в прочувствованной и медленной речи»[42].

Те же черты отмечает в личности Ф. Афанасьева Мандельштам-Одиссей, узнавший его в последний год жизни Ф. Афанасьева, в Иваново-Вознесенске.

«Я мимоходом узнал, что долгая революционная жизнь, полная борьбы со всеми ее прелестями, сделали из этого не старого годами человека—старика «Отца».

Сколько веры в победу рабочего движения, в социализм было в этом закаленном борце! Может быть многих приезжих из центра поражало то же, что и меня; это—суждение партийного комитета о поступках личного свойства, о домашних делах, о пьянстве, об отношениях к женщине.

Но «Отец» и это умел об'яснить: ему хотелось воспитать, хотелось видеть в своих сотоварищах истинных социалистов» [43].

«С особенной любовью и грустью» вспоминает о Ф. Афанасьеве Михаил Васильевич Фрунзе, работавший с ним рука об руку в Иваново-Вознесенской партийной организации.

«Вероятно,—пишет он,—многие из товарищей Шуи, Кохмы и Иванова помнят худую, сгорбленную от старости и от долголетних скитаний по тюрьмам России, в очках, фигуру «Отца», тихо плетущуюся с костылем в руках.

Не взирая на болезнь, на лишения, так бродил он из города в город, из села в село, поступая для добывания куска хлеба на фабрики, и всюду немедленно же принимаясь за создание партийных кружков.

Мир праху твоему, незабвенный товарищ» [44].

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Афанасьев собственно не имел фамилии. Эту фамилию заменяло его отчество—«Афанасьев». Это видно из протокола показаний Ф. Афанасьева по делу Бруснева, где при имени его поставлено в скобках—«без фамилии». См. сборник **«От группы Благоева...»**, стр. 88.

[2] См. **Ч. М. Иоксимович,** «Мануфактурная промышленность в прошлом и в настоящем», т. I, М. 1915 г., стр. 204.

[3] См. **О. Ф. Фарфоровский,** «Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре (волнения рабочих в 1872 г.)», в сборнике «Архив истории труда в России», кн. II, Петроград, 1921 г., стр. 8—14.

[4] О народниках-учителях на Кренгольмской мануфактуре упоминает **С. И. Балашов** в своих неопубликованных воспоминаниях о Ф. Афанасьеве.

[5] Эту дату привел сам Ф. Афанасьев на допросе по делу Бруснева.

[6] Тов. Мандельштам-Одиссей говорит, что Ф. Афанасьев «еще в конце 80-х г.г. участвовал в революционном движении Питера, знал и Петра Алексеева, и Халтурина», но это сообщение мало вероятно. Петр Алексеев и Степан Халтурин не были в Петербурге в конце 80-х г.г. Первый был посажен в 1877 г. в харьковскую тюрьму, а в 1881 г. сослан в Сибирь на р. Кару. Второй бежал из Петербурга от преследований царского правительства в 1880 г., а в 1881 г. казнен в Одессе. См. **Мандельштам-Одиссей,** «Федор Афанасьев—Отец», стр. 89. **Э. К. Пекарский,** «Рабочий Петр Алексеев», в журнале «Былое», № 19, М. 1922 г., стр. 80, и **В. Л. Бурцев** (редактор), «Календарь Русской Революции», П., 1907 г., стр. 40 и 87.

[7] См. **М. И. Бруснев,** «Возникновение первых социал-демократических организаций», стр. 17—22.

[8] См. **М. О. Ольминский,** «О воспоминаниях Н. Д. Богданова», в сборн. «От группы Благоева...», стр. 40—41.

[9] См. **В. М. Карелина,** «Воспоминания», в журнале «Красная Летопись».

[10] В настоящее время Л. Б. Красин наркомвнешторг и посол С. С. С. Р. в Париже.

[11] См. **Л. Б. Красин,** «Дела давно минувших дней», стр. 15—16.

[12] См. **Петр Струве,** «На разные темы», Петербург, 1902 г., стр. 309.

[13] См. **В. С. Голубев,** «Страничка из истории рабочего движения», стр. 105.

[14] См. **М. О. Ольминский,** «Давние связи», стр. 76.

[15] См. **К. Норинский,** «Мои воспоминания», стр. 13.

[16] См. **С. И. Балашов,** «Отец Ив.-Возн. организации РСДРП—Ф. А. Афанасьев».

[17] См. **М. И. Бруснев,** «Возникновение первых социал-демократических организаций», стр. 27. В изложении празднования 1-го мая 1891 г. цитируются также статьи **Норинского, Богданова и Ольминского,** в сборнике «От группы Благоева...», стр. 15, 43 и 77; проф. **Святловского,** «Былое», № 19, стр. 154, М. С. **Александрова,** «Группа народовольцев (1891—1894 г.г.)», «Былое», № 11, 1906 г., стр. 7 и **В. Карелиной,** «Воспоминания», в журнале «Красная Летопись», № 4, 1922 г.

[18] Четыре речи перепечатаны в сборнике «От группы Благоева...», причем, по мнению **Р. Кантора,** (журнал «Былое», № 18, 1922 г., стр. 255) в них встречаются некоторые искажения текста по сравнению с женевским изданием 1892 г.

[19] По некоторым сведениям, Ф. Афанасьев заезжал также в Нижний, Кострому и другие более мелкие города. См. **М. Моршанская,** «Ткач Федор Афанасьев», стр. 27.

[20] На допросе по делу Бруснева Ф. Афанасьев заявил, что он прибыл в Москву в сентябре 1891 г., но это не согласуется с общим ходом событий и сделано, очевидно, чтобы сбить с толку жандармов.

[21] Т. е. чернорабочим; из допроса Ф. Афанасьева выясняется, что он поступил на Балтийский завод именно чернорабочим.

[22] См. **«От группы Благоева...»,** стр. 18.

[23] Показания Ф. Афанасьева перепечатаны в сборнике **«От группы Благоева...»,** стр. 88.

[24] О заключении Ф. Афанасьева в «Кресты» говорит **С. И. Балашев** и **М. Б.,** автор некролога—«Федор Афанасьевич Афанасьев», в газете «Новая Жизнь», 1905 г., № 13.

[25] О поездке Ф. Афанасьева в Одессу говорит только **Балашов** в своих воспоминаниях. Поездка в Одессу обусловливает также третье возвращение его в дер. Язвищи, так как именно отсюда он отправился в августе 1897 г. в Иваново-Вознесенск.

[26] Ф. Афанасьев имел также прозвище «Вашков» в Петербурге, а позднее еще «Иванов» и «Осецкий». См. **В. И. Невский,** «Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.», стр. 58 и Дело № 5, 1904 г. Влад. Губ. Жанд. Управления.

[27] См. **Дело № 5, 1904 г.** Влад. Жанд. Управления.

[28] О жизни Ф. Афанасьева с 1896—1900 г. см. воспоминания **С. И. Балашова** и **В. Смирнова,** «На заре рабочего движения г. Ив.-Возн.», Влад., 1921 г. К сожалению, мне не удалось пока установить, на каких шуйских фабриках работал Ф. Афанасьев.

[29] Эта шифрованная записка начинается дробью $^{1}/_{27}$ и состоит из цифр, расположенных на семи строках и подразделенных точками: одной, двумя и тремя, причем между цифрами второй строки встречаются буквы, а именно: кая, у-ц: 13.4, 144: 15.29. ч-и у. См. Дело Влад. Губ. Жанд. Упр., № 5, 1904 г.

[30] Подлинный текст этого прошения с соблюдением орфографии Ф. Афанасьева таков:

„Въ Ивановское Жандармское Управленіе

Прошеніе

Все покорнѣйше прошу Вашевысокоблагородіе разрѣшите мне пользоваться въ камеры черниломъ и бумагой.

1903 года Декабря 31 дня. Арестованный Федор Афанасьев».

См. Дело Ив.-Возн. Полицеймейстера «Об учреждении особого надзора полиции за крестьянином Ф. А. Афанасьевым», 1904 г.

[31] О социал-демократическом деле 1903—4 гг. см. «Воспоминания...» **Ф. Н. Самойлова** и оба упомянутые выше архивные дела.

[32] См. заметку **Чужинина,** «Что говорят бывшие участники маевок», в «Рабочем Крае», № 98, 1924 г.

[33] О массовке на Сластихе см. статью **А. Ф. Нагова** «1904 год на Сластихе», в «Раб. Крае», № 98, 1924 г., «воспоминания» **А. Гужова,** там же, статью «Как праздновалось Первое Мая в Иваново-Вознесенске», в «Раб. Крае», № 96, 1922 г. и Дело Ив.-Вознес. Полицеймейстера «Об учреждении особого надзора за кр. Ф. А. Афанасьевым».

[34] См. **Н. Гусев,** «Воспоминания», в журнале «Известия Ив.-Возн. Губкома», № 12, 1922 г., стр. 67.

[35] См. статью **Н. Ананьина,** «Тов. Странник в подполье», в газете «Рабочий Край», № 31, 1925 г.

[36] См. воспоминания **С. И. Балашова-Странника.**

[37] События в Иваново-Вознесенске в 1905 г. изложены, главным образом, по книгам **В. Смирнова (Малкова)**—«На заре рабочего движения г. Иваново-Вознесенска», **Ф. Н. Самойлова**—«Воспоминания об Ив.-Возн. рабочем движении 1903—5 гг.» и статье **Н. Подвойского**—«Из истории рабочего движения Ив.-Возн. губернии», в газете «Рабочий Край», № 7, 1921 г.

[38] См. статью **Мандельштама-Одиссея,** «Федор Афанасьев—Отец», стр. 91.

[39] См. **Старый Крамольник,** «Воспоминания об убийстве т. Афанасьева» в «Рабочем Крае», № 255, 1924 г.

[40] О событиях 22 окт. 1905 г. см., кроме указанных в примечании 37-м, также корреспонденцию «Черные дни в Иваново-Вознесенске» в газете «Новая Жизнь», № 6, 1905 г. и брошюру **А. И. Рабатюшковой**—«История ячейки ф-ки Петрищевской м-ры», Ив.-Возн., 1923 г.

[41] См. сборник **«От группы Благоева...»,** стр. 50.

[42] См. журнал **«Былое»,** № 19, 1922 г., стр. 147.

[43] См. **«Иваново-Возн. Губ. Календарь»** за 1919 г., стр. 90.

[44] Там же, стр. 86.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

В деле Владимирского Губернского Жандармского Управления «О Иваново-Вознесенской группе Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» за 1903—1908 г.г. имеется любопытный «протокол» определения примет Ф.Афанасьева, который я считаю нелишним привести дословно:

1903 года, ноября 30 дня, в г. Шуе, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Виноградов, на основании циркуляра Департамента Полиции от 31 января 1903 года за № 410, при участии городового врача А. Н. Звездина составил настоящий протокол примет привлеченного при Владимирском Губернском Жандармском Управлении Федора Афанасьевича Афанасьева.

Причем оказалось:

1) Лета: 44.

2) Рост—стоя и сидя: 2 арш. $6^1/_2$ верш. и $20^1/_2$ верш.

3) Телосложение: умеренное.

4) Цвет волос—темнорусый.

5) Цвет глаз—карий.

6) Длина и ширина головы—$5^7/_8$ и $3^1/_2$ верш.

7) Длина среднего пальца и мизинца левой руки и предплечья: $1^7/_8$ верш., $1^6/_8$ верш., $9^6/_8$ верш.

8) Длина ступни левой ноги: $5^7/_8$ верш.

9) Длина и ширина правого уха: $1^6/_{16}$ и $^7/_{16}$ верш.

10) Длина распростертых рук: $2^1/_2$ арш.

1) Описание особых примет: на левой кисти руки средний палец поврежден машиной, один сустав коего отнят.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: п. ротмистр Тимофеев.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

При написании настоящей книжки кроме изданий общеисторического характера, частично указанных в примечаниях, я пользовался различными литературными и архивными источниками, которые можно разделить на следующие четыре группы:

I) Нелегальные издания.

1) «Первое мая 1891 г., четыре реч рабочих, произнесенных на том же собрании в Петербурге, с приложением адреса петербургских рабочих Н. В. Шелгунову и с предисловием Г. Плеханова», «Рабочая библиотека», вып. VI, Женева, 1891 г.

В этом издании Ф. Афанасьеву принадлежит 3-я речь, им произнесенная на первомайском собрании.

2) «Листовка Северного Комитета Р. С.-Д. Р. П.», № 1, 1903 г.

Эта листовка была напечатана на гектографе в Иваново-Вознесенске, повидимому, в октябре 1903 года. В ней Ф. Афанасьеву принадлежит корреспонденция из г. Шуи под заглавием «Письмо рабочего» и за подписью «Ткач». К сожалению, я до сих пор не мог нигде разыскать этой листовки и указываю ее для полноты библиографии Ф. Афанасьева.

II) Архивные материалы.

1) «Дело о Михаиле Михайлове Егупове, Михаиле Иванове Брусневе, Петре Моисееве Кашинском и др., обвиняемых в преступлении, предусмотренном 250 ст. Улож. о Наказ.»—Московского Жандармского Управления, № 363, 1892 г.

Все материалы из этого дела, касающиеся Ф. Афанасьева, опубликованы в сборнике «От группы Благоева к Союзу Борьбы», Гиз, Донское Отделение, 1921 г., стр. 79—96.

2) «Дело Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при Управлении Московского Оберполицейместера, по отношению Департамента Полиции от 1 марта 1897 г. за № 2036—о воспрещении 12-ти лицам жительства в столицах впредь до особого распоряжения», № 111, 1897 г.

Хранится в Московском Революционном Архиве.

3) «Дознание, произведенное при Владимирском Губернском Жандармском Управлении о Иваново-Вознесенской группе Российской Со-

циал-Демократической Рабочей Партии», № 5, 1904 г., наряд № 2. (Начато 10 ноября 1903 г., окончено 3 ноября 1908 г. (На 859 листах).

Хранится во Владимирском Губкоме Р. К. П. (б).

4) «Дело Иваново-Вознесенского Полицеймейстера об учреждении особого надзора полиции за крестьянином Федором Афанасьевым Афанасьевым». (Начато 27 июня 1904 г., окончено 1 марта 1905 г.).

Хранится в Иваново-Вознесенском Губархивбюро.

III) Печатные издания.

1) Газета «Новая Жизнь», № 6, 1905 г., Петербург, корреспонденция—«Черные дни в Иваново-Вознесенске».

2) Та же газета, № 13, 1905 г., статья **М. Б.**,—«Федор Афанасьевич Афанасьев» (некролог).

3) Журнал «Былое», ноябрь 1906 г., № 11, Петербург, статья **М. С. Александрова**—«Группа народовольцев (1891—1894 гг.)», стр. 7 и сл.

4) Тот же журнал, декабрь 1906 г., № 12, статья **В. С. Голубева**—«Страничка из истории рабочего движения (Памяти Н. В. Шелгунова)», стр. 119 и сл.

5) Иваново-Вознесенский Губернский календарь на 1919 г., статья **М. В. Фрунзе**—«К истории социал-демократии в пределах Иваново-Вознесенской губернии», стр. 86 и сл.

6) Там же, статья **Мандельштама-Одиссея**—«Федор Афанасьев—Отец», стр. 89 и сл.

7) Сборник «От группы Благоева к Союзу Борьбы (1886—1895 гг.)», Госиздат, Донское отд., 1921 г., статья **К. Норинского**—«Мои воспоминания», стр. 15 и сл.

8) Там же, статья **М. О. Ольминского**—«О воспоминаниях Н. Д. Богданова», стр. 41 и сл.

9) Там же, статья его же—«Давние связи», стр. 75—78

10) **В. Смирнов (Малков),** «На заре рабочего движения г. Иваново-Вознесенска (1875—1905)», Владимир, 1921 г.

11) Газета «Рабочий Край», № 50, 1921 г., Иваново-Вознесенск, статья **И. И. Власова**—«Ткач Афанасьев».

12) Та же газета, № 81, 1921 г., статья **В. Смирнова (Малкова)**—«На заре революционного движения» (Из истории с.-д. партии г. Ив.-Возн. По личным воспоминаниям).

13) **Ф. Н. Самойлов,** «Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении 1903—4 гг.», М., 1922 г.

14) Его же, «Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении 1906—11 гг.», М., 1924 г.

15) Журнал «Красная Летопись», № 4, 1922 г., статья **В. М. Карелиной**—«Воспоминания».

16) Газета «Рабочий Край», № 95, 1922 г., заметка **А. Н.**—«Талка» (историческая справка).

17) Та же газета № 96, 1922 г., статья **С. И. Балашова (Странника)**—«Как праздновалось первое мая в Иваново-Вознесенске».

18) Журнал «Известия Ив.-Возн. Губ. К. Р. К. П.», № 12, 1922 г., статья **Н. Гусева**—«Воспоминания», стр. 67 и сл.

19) Журнал «Пролетарская Революция», № 2 (14), 1923 г., статья **М. И. Бруснева**—«Возникновение первых социал-демократических организаций», (воспоминания), стр. 22—36.

20) Журнал «Былое», № 19, 1923 г., М., статья **В. В. Святловского**—«На заре российской социал-демократии», стр. 144—159.

21) **А. И. Рабатюшкова,** «История ячейки фабрики Петрищевской м-ры (б. Витова)», Ив.-Возн., 1923 г.

22) Журнал «Пролетарская Революция», № 3 (15), 1923 г., статья **Л. Б. Красина**—«Дела давно минувших дней» (1887—1892).

23) **В. И. Невский,** «Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.», М.—П., 1923 г., стр. 58—59.

24) Сборник «XXV лет РКП (большевиков). Воспоминания Иваново-Вознесенских подпольщиков», под редакцией Бюро Ив.-Вознесен. Истпарта, Ив.-Возн., 1923 г., статья **Н. П. Грачева (?)**—«Материалы по истории рабочего движения в Иванове», стр. 39, 44—45, 54—55, 74, 78—79.

25) Там же, статья **Н. Дианова**—«Типография и боевая дружина Иваново-Вознесенской организации С.-Д. (большевиков) в 1904—5 гг.», стр. 77—79.

26) Там же, статья **И. Черникова**—«Как я вступил в партию (большевиков)», стр. 148.

27) **В. С. Смирнов (Малков),** «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 году», Ив.-Возн., 1924 г., стр. 38.

28) Газета «Рабочий Край», № 98, 1924 г., статья **И. И. Власова**—«Тридцать три года тому назад» (к биографии ткача Афанасьева).

29) Там же, статья **Чужинина**—«Что говорят бывшие участники маевок».

30) Там же, статья «**Рабочего-пожарника** ст. Иваново—«Можжевеловый куст».

31) Там же, статья **А. Ф. Нагова**—«1904-й год на Сластихе».

32) Там же, статья **А. Гужова**—«Воспоминания».

33) Та же газета, № 255, 1924 г., статья **Старого Крамольника**—«Воспоминания об убийстве тов. Афанасьева».

34) **М. Моршанская,** «Ткач Федор Афанасьев», историко-биографический очерк, М., 1924 г., изд. М. Г. С. П. С.

35) Художественный альбом **«Красный Манчестер»,** издание «Реклампровинции» при газете «Рабочий край», Ив.-Возн., 1924 г., стр. 42.

36) Газета «Рабочий Край», № 30, 1925 г., статья **Черникова**—«О дорогом «Страннике».

37) Там же, статья **В. Кузнецова**—«Памяти тов. Балашова».

38) Та же газета, № 31, 1925 г., статья **Н. Ананьина**—«Тов. «Странник» в подполье».

39) Там же, заметка **Г. Соколова**—«Несколько штрихов».

40) Журнал «Красный Ткач», статья **Старожила (А. Е. Ноздрина),** «Из пролога к 1905 году», Ив.-Возн., № 1, 1925 г.

IV) Рукописные материалы.

1) **С. И. Балашов,** «Отец» Иваново-Вознесенской организации Р. С. Д. Р. П.—Федор Афанасьевич Афанасьев».

Рукопись этой, до сих пор не изданной статьи была любезно предоставлена мне для ознакомления т. Е. Вихревым, сотрудником «Рабочего Края».

2) **И. В. Назаретский,** «Воспоминания о похоронах Ф. Афанасьева».

Записаны мною со слов гр. Назаретского.

3) **Д. Г. Бурылин.** «Воспоминания о Ф. Афанасьеве».

Записано мною со слов гр. Бурылина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Предисловие 3

Глава 1-я

Рождение Ф. Афанасьева.—Семья его отца. — Первое поступление на фабрику.—Кренгольмская мануфактура и порядки на ней.—Волнения рабочих в 1872 году.—Школьное образование.—Жизнь до 1887 года 7

Глава 2-я

Переезд Ф. Афанасьева в Петербург.—Переход от народничества к марксизму.—Эпоха «кружковщины».—Возникновение центральной организации рабочих кружков.—Работа Афанасьева в рабочих кружках.—Собрание рабочих в его квартире по воспоминаниям Л. Б. Красина 11

Глава 3-я

Публицист Н. В. Шелгунов и поднесение ему адреса от депутации петербургских рабочих.—Участие в депутации Ф. Афанасьева. Смерть Шелгунова и его похороны при участии рабочих 16

Глава 4-я

Первое празднование 1 мая в Петербурге в 1891 г.—Четыре речи рабочих.—Речь Федора Афанасьева.—Шпики и патрули рабочих.—Нелегальное издание этих речей в Петербурге и Женеве.—Их агитационное значение 21

Глава 5-я

Поездка Ф. Афанасьева в Тулу —Поездка его в Москву.—Работа с Брусневым в группах Кашинского и Егупова.— Арест по делу Бруснева.—Показания Ф. Афанасьева на допросах.—Тактика умолчаний и отрицания.—Приговор, тюрьма и высылка на родину . . 28

Глава 6-я

Жизнь под надзором в дер. Язвищах.—Поездка в Одессу.—Переезд в 1897 году в Иваново-Вознесенск.—Работа на ткацкой фабрике Бурылина.—Прозвище «Отец».— Поездка в Ригу и переезд в Шую 33

Глава 7-я

1903 год.—Между Шуей и Иваново-Вознесенском. — Маевка на Сластихе.—«Можжевеловый куст».—Корреспонденция Федора Афанасьева в «Листовке Северного Комитета».--Обыск и арест в Шуе.—Обвинение Ф. Афанасьева в принадлежности к Ивановской социал-

доемкратической группе.—Переход к массовому движению —Массовка на Сластихе в июне 1904 г.—Столкновение с казаками.—Арест и освобождение Ф. Афанасьева. — Окончательный переезд его в Иваново-Вознесенск 36

Глава 8-я

Ф. Афанасьев в 1905 году.—Профессионал революционер.—Избрание его секретарем с.-д. организации.—Иваново-Вознесенская забастовка в 1905 г.—Роль в ней Ф. Афанасьева.—Он—член Совета Рабочих Депутатов.—Работа Ф. Афанасьева по нелегальной типографии 40

Глава 9-я

Октябрьские дни 1905 г. в Иваново-Вознесенске.—Митинг 20 октября под председательством Ф. Афанасьева.—Митинг протеста и демонстрация 22 октября —Вечернее столкновение с черносотенцами и казаками на р. Талке.—Смерть Ф. Афанасьева 48

Глава 10-я

Две недели без погребения.—Черносотенный погром.—Первый красный гроб в Иваново-Вознесенске. — Могила в лесу на берегу Талки. — Открытие могилы Ф. Афанасьева полицией. — Вторые похороны 52

Глава 11-я

Общая характеристика личности Ф. Афанасьева.—Отзывы о нем К. М. Норинского, В. В. Святловского, Мандельштама-Одиссея и М. В. Фрунзе 55

Примечания 59
Приложение. «Протокол примет Ф. А. Афанасьева» 62
Литературные источники 63

Цена 40 к.

HECKMAN
BINDERY INC.
SEP 92
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

University of N.C. at Chapel Hill
00007950737